

АЛЕКСЕЙ СУСЛОВ

ПОДСЛУШАННАЯ
СТРАСТЬ

Секс — это философия. Секс — это не только наслаждение, но и боль. Секс — это больше, чем просто жизнь: он есть мечта.

ГЛАВА 1

Офисная жизнь безумна. Кофе, информация и меняющиеся времена года за окном — одно и то же от весны до зимы. Монотонность, влияющая на психику. Всё, что не меняется, делает человека животным. А у животных главное — страсть, возведённая в природную заповедь и владеющая всем их существованием.

Митя работал в брокерской конторе третий год. Он стал зарабатывать деньги в одиннадцать лет, моя машины, торгуя зажигалками и сопровождая загулявших барышень с ночных свиданий. Везде платили из рук вон плохо, но пронырливый парень не заморачивался особо на суммы денег, выданных за работу, считая главной наградой опыт.

В офис он попал в зимнюю пятницу 2009 года. Его зимнее пальто в клетку, собравшее на себя много снега, оставило в кабинке Мити довольно внушительную лужу. Всякий входящий, перешагивающий через неё, ворчал вроде бойкого мальчугана, пришедшего в первый раз в детский сад. Тогда денежный кризис подстегнул специалистов в финансовой сфере и оставил самых живучих. Азарт работать со смышлённым парнем и получать от этого безграничное удовольствие обнадёжило плановые взгляды брокерских управленцев. Мите доверили заниматься с иностранными клиентами, основная доля которых приходилась на Испанию и Андорру.

Вставая утром, новоиспечённый финансист рассматривал небо, находя в его очертаниях мощную позитивность. Выпивая кофе, он просматривал спортивные новости, сыпал корм в аквариум, обжитый ярко-красными существами с райскими очертаниями. Не забывая побаловать едой и любимца кота, Митя одевал один из пяти костюмов, включал на пять минут радио, а потом запирали дверь на два замка и выйдя в давно не убираемый двор с поломанными лавочками и старым асфальтом, осматривал свой "фольксваген", и если всё было нормально, мчался по оживлённому городу N***, к месту, где деньги жили своей жизнью.

Отдаваясь карьере на всю катушку, Митя как-то вынес на периферию свои любовные желания. Не являясь большим фанатом эротических сайтов, он тем не менее интимными темами, а изголовье его кровати обыденно украшала роскошная гёрл из чирлидеров, манящая идеально наманикюренным пальчиком будто морская русалка, увлекающая в морские недра печального моряка. В офисе подобных фокусов не было, но всегда под рукой находился телефон, в котором в особо утомительные минутки имелась соблазнительная фотография какой-нибудь поп-дивы или спортсменки с влекущими к себе формами.

В один из дней марта 2011 года Митя стал свидетелем разговора одного из своих сослуживцев, длинноволосого Вани, полукитайца, полуказаха, являющегося несгибаемым ловеласом. Тот обращался с кем-то на стороне. В обеденный перерыв, как обычно — утолив шоколадкой или печенюшкой из рук своих поклонниц, поглядывающих на него с завидной регулярностью из своих прозрачных кабинок, он принимался звонить какой-нибудь очередной подружке, интересоваться её взглядами на жизнь, начиная врать — что он не прочь перейти к более активным действиям, в которые входил и гламурный голос, дававшийся Ване легко и непринуждённо. Интересный беззаботный мальчик, не мыслящий

жизни без доверчивых девичьих сердец.

Тот разговор Вани с очередной пассивной (жертвой) Митя слушал с небывалым интересом. Сахарные интонации новейшего сорта Дон-Жуана завели не только мозговые полушария Мити, но и девицу, судя по её довольным смешкам, которые Митя слышал очень чётко, будто сама телефонная связь фартила Ване. И эта сладкая беседа стала для Мити настоящим откровением. "Мы станем с тобой избранниками небес, милая Элен, мы будем парить по небу, мешая птицам и вызывая зависть у прохожих с задранными вверх головами. Пусть они завидуют, что они ни за что не прикаснутся к нашей тайне: уметь любить!" — нежный монолог Вани вошёл в открытое сердце Мити как нож в масло. Значит, есть ещё что-то, кроме этих разнесчастных купюр, кроме сводок стоимости барреля нефти или унции платины, — есть простые человеческие чувства, есть страсть секса на мягкой перине, а не в подворотне школьного двора, — размышлял Митя. От последнего у него остались некоторые воспоминания.

А ведь в ту звёздную ночь в его жизни много чего было впервые: первый презерватив, первая женская приятная плоть, первый оргазм и первый послеполовоактовый перекур на скамейке под памятником Ленину. Была безграничная радость, а мокрое лицо Ани С. приносило двойную радость: он не облажался, всё сделал как настоящий мужчина, если не сказать, как настоящий самец.

Тогда всё происходило в заброшенном парке аттракционов. Они быстро присмотрели место, где могли бы предаться первым актам любви. Этим местом оказался старый тир, лишённый входной двери, но довольно симпатичный внутри. Митя и Аня залезли на два сведённых вместе стола и стали разоблачаться от одежды. Оставшись в трусах, подаренных его сестрой на день святого Валентина, Митя робко, но стараясь не делать лишних движений, принялся расстёгивать лифчик девушки. Белый, с яркими жёлтыми кружочками, он он ещё красивее стал смотреться, покинув Анину грудь. Некоторым предметам противопоказано быть чьей-то частью — они рассчитаны на гордое одиночество. Трусики Ани легли рядом, накрыв собой остаток приклада от ружья. Жаркие поцелуи сопровождалась пением вездесущих комаров. Соски девушки набухли как весенние почки и Митя, задавив три-пять насекомых, языком коснулся этих томящихся кончиков пышной девичьей груди. Аня глубоко вздохнула, отдаваясь чувствам.

Всё где-нибудь бывает впервые, но каждый раз мы как-будто идём проторенной тропой. Красный, со вздутыми венозными жилками, член Мити, которого он стеснялся в компании пацанов их двора, что, показывая на низ его живота, смеялись: "Член как у бегемота. И не заебался ты его таскать! Отрастил, папе на радость." И вот его мужское достоинство было оценено как и должно быть: глаза девушки показали заинтересованный интерес. В ней проснулась женщина. Спустя девять с четвертью минут она этой женщиной стала. Кровь потекла по напряжённым ляжкам и напитало собой кленовую столешницу. Митя осторожно входил и выходил, в голове его стояли возмущённые рожи тех друзей детства, и Мите хотелось, чтобы они сегодня и сейчас здесь присутствовали. Аня воскликнула, высунув наполовину язык. Её позвоночник изогнулся, волна счастья впрыснулась в кровь, делая тело частью всей Вселенной. Митя откинулся на спину и закрыл глаза...

То, как Ваня говорил со своими собеседницами, делало Митю ещё более счастливым: Митя понял, что искусство полового акта не имеет своих границ; что оно будет актуальным и приносящим удовольствие во всякий момент соития, если ты только не испортишь сам процесс дешёвой халтурой и бессмысленной спешкой. Но, вслушиваясь в этот интимный

разговор, целый спектакль, Митя понял, что мало быть накоротке с сексом со стороны, надо ещё им заниматься в реальности, во временном пространстве, в обстановке некоторой комнаты, где слияние мужчины и женщины станет шагом к познанию самих себя.

С этого самого случайного откровения Митя загорелся желанием познакомиться с девушкой, любой, но только если она имеет ум и те особенные черты, делающие её привлекательной. Познакомится, расположить её к себе, увлечь её идеей достигать с помощью телесной любви такие вершины удовлетворения, которые не дадут ни якутский шаман, ни пик Эвереста, ни смерть врага. Где найти требуемую особу. Митя пока не знал, но он стал готовить себя к этой встрече. Если хочешь приблизиться к мечте — протяни обе руки к ней первым.

ГЛАВА 2

Если вы думаете, что по весне — где-то ближе к знойному лету — в городе N*** цветут каштаны и мимозы, то вы глубоко ошибаетесь — здесь "цветут" рекламные растяжки и некое подобие электронных табло, приучающих не бедных горожан "ЛЮБИТЬ САМОЕ ЛУЧШЕ! САМОЕ ДЕШЁВОЕ!". Но самой особенной визиткой городского рекламного рынка являются "живые лица пиара" — люди — в основном, девицы привлекательных черт лица и фигуры — рассказывающие о товаре своим образом.

Один из таких рекламных продуктов стоял у кабинки с напитками. Стояла, ведь то была девушка очаровательной юности, с длинными выющимися волосами, спадающими на футболку с кричащей надписью "Я ЛЮБЛЮ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТА, НО НЕ ТОГО, О КОМУ ВЫ ДУМАЕТЕ" и короткими шортами со весёлыми смайликами на коленках. Однако, она выбрала странное место для своей работы — рядом, на картонке из-под мороженого, которым торговали здесь в прошлом году и половину увезли обратно на склад, сидел безногий дед худощавого вида и сразу было видно, что он этим нелёгким трудом кормит не себя, а кого-то на стороне.

Такое соседство не является каким-то особым нонсенсом в нашей богатой нефтью и газом стране. Это обыденность, перешагнувшее в норму, о которой мало знают за кремлёвскими стенами, но являющейся всегда на слуху на кухнях или лавочках городского селения. Дед и девушка друг другу не мешали, а потому мимо проходящие с собакой в наморднике патрульные полицейские даже и не оглянулись в их сторону, каким-то особым чутьём зная, что всё, что было и стояло здесь вчера, здесь и сейчас стоит и сегодня. Зато патрульные заметили "фольксваген" с аварийными сигналами, остановившийся у тротуарного бордюра. Высокий молодой человек с модной бородкой возился с колесом, поглядывая на медленно бредущих по тротуару людей, ища помощи.

— Помощь нужна? — чуть протягивая слова, обратился парень-полицейский к Мите. Девушка-полицейский слегка толкнула вопрошающего в бок, как-бы говоря: ну зря ты так, ещё бы помолчали. Но молчать добрый полицейских не хотел. В этот день он получил старшего сержанта и настроение по этому случаю было на высоте.

— Нет, я сам, — ответил Митя и подмигнул девушке в форме. — Вы лучше спросите у того вон старика, что собирает на жизнь, зачем он выкинул гвоздь на дорогу?

Старый сержант недоуменно повернул голову и окинул взглядом деда-попрошайку.

— Разберёмся, — сказал полицейский и разговор был окончен.

Митя поменял колесо, но уезжать почему-то медлил. Сегодня на бирже выходной, брокеры облюбовали увеселительные заведения города, и только Митя слонялся по пыльным дорогам города N***, в голове прокручивая не один раз все подробности эротического

разговора Вани с очередной подружкой. Митя представлял ту девицу с огромными грудями, на которые он имел особый вкус, с ногами девушки Дональда Трампа и малюсенький мозгом, умеющим управлять процессом ходьбы и занятий любовью. Митя отметил, что под эти впечатляющие размеры подходят и эти две девушки рядом с ним: полицейская была очень хороша. а девушка с кричащей футболкой и электронным табло: "НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО! ПОСЛЕДНЯЯ РАСПРОДАЖА ПРЕЗЕРВАТИВОВ И ДРУГИХ НУЖНЫХ , МУЖЧИН ПРЕДМЕТОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ, СТИМУЛЯТОРОВ ПОТЕНЦИИ! СЕКС-І "ЛЮБОВНИК И МОЙ АНГЕЛ" ТЕЛ. 8 800....." Какая из них больше понравилась ему, Митя затруднялся ответить. Все мужчины любят количество, переходящее в качество.

Полицейские подошли к старику и стали ему объяснять правила поведения в общественном месте. Дед молчал, уткнувшись в оду точку, которой была надпись общественного платного туалета. Он много повидал в своё время: и дубинки пьянящих ментов, и проституток, глядящих его намазанное эвкалиптовым маслом тело от ушей и до кончиков пальцев ног. Но больше всего вспоминалось Балтийское море и самый дикий пляж с одуревшими от наготы группами нудистов, с телами нимф, сексом с которыми он упивался всю неделю. Далёкий 1996 год. Тогда его конец делал своё дело. Сейчас же осталось только вспоминать те угарные любовные ночи с шикарными женщинами, стосковавшиеся по настоящим мужским рукам...

Собака выполнила своё грязное дело рядом со стариком. Девушка из рекламщиков принялась отчитывать полицейских, вспоминая всё виденное по телевизору и компьютеру, и слышимое от подруг по телефону.

Старший сержант инстинктивно погладил свою кобуру и произнёс то, что никто не собирался услышать:

— А знаете, девушка, за что я не люблю стариков? За то, что в этой сраной жизни до старости доживает самый хитрый, самый изворотливый негодяй, ни чем в своём никчемном существовании не занимавшийся, разве только умел побираться на хлеб и кормить вшей своей перхотью и вонючим потом.

Всё это он сопровождал резкой жестикуляцией, сплёвывая в мусорную урну и колупая на носу ненавистный прыщ. Девушка из его компании желала провалиться сквозь землю, если бы это было возможно сделать через толстый слой советского асфальта. Мите хотелось подойти к этому горе-менту, дать ему хороший хук справа, как его учили в хорошей боксёрской школе, выпустившей в свет замечательных мастеров этого вида спорта.

Митя уже хотел совершить свой героический поступок, но его опередила патрульная машина, в которую старший сержант, напарница и собака не приминули быстренько сесть. Не самый чистый в городе автомобиль зачем-то сделал звуковой сигнал и умчался, включив сирену для более комфортного пути. Любопытные зеваки, собранные грязными словами полицейского, стали рассасываться в разные стороны.

Старик плакал. Девушка, стоящая рядом с ним, купила для него пластиковый стаканчик и бутылочку минеральной воды без газа и протянула в сухожилистые дедовы руки. Сделав два больших глотка и умыв лицо, старик взбодрился как тихоокеанская чайка при приближении мощной бури. Был бы он десятью годами моложе, думал старик, так просто этот мент от сюда бы не ушёл. Пусть тюрьма, пусть карцер с крысами размером с кошку, пусть могила под Магаданом или Воркутой, — но за подлость его учили наказывать со всей строгостью, с пролетарским размахом. "Вот сука, ушёл! Гнида, моль, таракан" — мысли старика разгулялись во всю мощь.

Митя подошёл к девушке с минералкой, которую ей вернул дед, и попросил воды. Девушка протянула ему чистый стакан и наполнила его наполовину. Митя залпом выпил. Достав из бумажника пятисотрублёвую купюру, он положил её в стариковскую шляпу. Старик с хрипотцой сказал "Благодарю" и отвернулся в сторону, уставившись во всё ту же туалетную вывеску.

Митя представился девушке. Красотка сказала "Хорошо! А меня зовут Кристина. Вам нравится моё имя?" Митя назвал это имя одним из своих любимых. Ещё он любил пиццу по-сицилийски, куриное филе с пикантным соусом и нежное женское тело самым ранним утром, после километровой пробежки. О последнем он вслух не сказал. Хотя, он уже понял, что эта девушка ему идеально подходит для интимных отношений и ей можно доверять свои самые потаённые мысли.

Кристина попросила отвести её домой, на Большую Гвардейскую. Митя весело согласился и они оставили старика наедине со своими воспоминаниями.

ГЛАВА 3

Две женщины в почти одинаковых платьях катили детские коляски, разговаривая на повышенных тонах. Из алкомаркета вышел мужчина плотного сложения и остановившись на третьей ступеньке, пересчитал купюры в бумажнике из грубой зелёной кожи. Обычный вечер пятницы, плавно переходящий в ночь с небольшим дождём и бледными майскими червями на ярко-чёрном асфальте.

Кристина не спеша шла в чёрных туфельках на высоких каблуках, смотрела по сторонам и грызла арахисовые орешки. Блузка плотно облегалa её тело. Из сумочки выглядывал жёлтый платок и словно острый язычок змеи, колыхался на умеренном ветре. "Хочется кока-колы", — пронеслось в мыслях девушки — "Залить жажду полным баком топлива, ха-ха". Во рту вязкая слюна осела на языке. Осталось пять шагов до подъезда и слава Богу.

Открыв не с первого раза дверь, Кристина ощутила пронизывающую сырость своей квартиры. Она включила в маленькой комнате кондиционер, включила телевизор и села в кресло, надев тёплые, даже горячие тапочки, впитавшие свет заоконного солнца. Закрыв глаза, девушка окинула внутренним взглядом весь свой рабочий день и ужаснулось, сколько мимо её прошло вечно спешащих людей, которым до неё не было ни какого дела.

Спустя некоторое время Кристина принимала душ. Ещё не загорелое тело свежело под напором струи воды, мыльная пена скользила с подбородка по грудям, капая с кончиков сосков, или обходя их как в слаломе, устремляясь к впадине пупка, а уже от туда — к лобку, лишённому волос три дня назад и обретшему ещё большую притягательность, если бы он был предоставлен на обозрение какой-нибудь группе случайных мужчин, равнодушных к женскому телу.

Взяв мочалку и налив на неё голубой шампунь, Кристина стала растирать тело ещё раз. Ей хотелось это делать сотни, тысячи движений, вбирая в себя всю сочность тропических фруктов, всё их целительное богатство сочности. Она представила одинокий изумрудный остров на Бали, яркий, восхитительно приятный на ощупь песок. Внизу живота, по самому кончику пульсирующего клитора девушка ощутила прикосновение ветра, словно она открыла окно в дом (в её мыслях) и ветер вкрался как ночной влюблённый, робкий и застенчивый, которому безумно рады и без которого вся жизнь бессмысленна и случайна.

Вытеревшись полотенцем с драконом во всю ширину, Кристина нагая вышла из ванной комнаты и подошла к окну зала, занавешенного розовым тюлем, сквозь который просачивались лучи, легшие моментально на её прекрасное благоухающее тело. Хотелось

парить птицей, быть вечно молодой, не знающей тяжёлых часов стояния с дурацкой рекламой, забивающей прохожим мозг. "Если бы всего этого — реклама...реклама...реклама... — не было ни завтра, ни месяц спустя, ни целую вечность" — мечтала Кристина. Одевшись, она уже забыла обо всех этих мыслях с той женской непосредственностью, что продлевает жизнь, бережа нервы.

И тут она вспомнила об ужине в ресторане "Русская нежная орхидея" с каким-то Митей. Чёрт, да она опаздывает: сейчас 18.41, а встреча назначена на 18.55! О, дурацкий ненавистный город! ты ты выпиваешь это трепетное ранимое сердце до дна! Прочь навязчивые мысли, надо просто быстро навести красоту и на такси как на метле ведьмы мчатся к этому самому Мите, чтобы слушать обычный для всех этих современных (и не только) мужиков трёп про семь раз в неделю (сами знаете чего), про яхту и особняк на Язуе и прочее, и прочее.

Кристина с улыбкой спустилась по ступенькам подъезда. Она ещё успевает! С ней поздоровалась какая-то полногрудая женщина в зелёном платье и Кристина ответила как в бреду, между делом, впопыхах. Она всё ещё вспоминала, кто такой этот Митя, на встречу с которым она спешит, едва не ломая ноги.

Таксист был молчалив и угрюм. Девушка докрасила губы фиолетовой помадой, пару раз подмигнула себе в зеркальце. На удачу. Швейцар у "Русской нежной орхидеи" вручил ей огромный букет свежесрезанных роз, оказавшийся подарком таинственно подзабытого Мити. "Прелестное начало" — отметила про себя Кристина и вошла в полутёмный банкетный зал, в котором справа сидел за овальным столом на шесть мест молодой шатен с бородкой. Он помахал ей рукой, вызывая ещё одну улыбку на девичьем лице.

— Добрый вечер, Кристина! — Слова Мити были бархатисто нежными.

— Здравствуйте, Митя! — Кристина ответила ему чуть более сдержанной нежностью.

Он взял у неё розы и поставил в вазу посреди стола. Подошёл официант, вложил в руки Мити меню — большого формата книжицу в сорок листов на трёх языках. Митя пропустил английский и французский и остановился на родном русском. Он достаточно хорошо знал английский, но не стал искушать свою память специфическими понятиями русской кухни.

— Что хочешь сегодня покушать? — Митя сразу перешёл на "ты", находя бессмысленным выканье с девушкой, которая ему так сильно нравилась. Он демонстративно игнорировал объёмистый вырез на груди её велюрового платья, но приходил в умиление ямочками на её щеках. Эти нежнейшие маленькие мочки ушей с золотистыми серёжками в виде Купидона, — он был от них без ума!

Кристина попросила борщ и котлеты в томатном соусе в союзе с крымским вином. Она с детства была без ума от земли Крыма, обнесённого высокими холмами, упирающиеся в морскую даль, сливающуюся с бездонным небом. Виноград в тех местах просто божественный!

Зажглись хрустальные огни здоровенной люстры и зазвучала скрипка. Девушка и парень вдруг замолчали, обрывая рутинный разговор о достоинствах русских блюд. Тишина их мира заполнялась пронзительной молитвой скрипичного инструмента в опытных и виртуозных руках мастера с большой шапкой волос, разбросанных во все стороны.

— Ты прекрасна, — вдруг прошептал Митя, наполняя бокалы вином. Девушка спрятала смущённый взгляд в этом пьянящем напитке.

— Я предлагаю тебе сыграть со мной в одну очень простую, но замечательно увлекательную игру. Ты не спросишь, какую? — продолжил Митя. Его глаза блеснули

каким-то внутренним блеском.

— Что это за игра? — волнуясь, поддержала его Кристина.

— Это некоторая эротическая исповедь друг перед другом...

— Исповедь не может быть эротичной...

Митя кашлянул и поправил себя:

— Хорошо, назовём это по-другому — я хочу делиться с тобой самыми потаёнными желаниями моего сердца, в ответ желая узнать твои. Это могли бы быть беседы вне всяких преград — мы взрослые, а не дети.

Кристина невинно похлопала ресницами и сказала:

— Возможно, но сперва давай пробуем. Я ужасно голодна, да и говорят: "Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок".

Борщ был вкусен и наварист. Котлету Кристина есть не захотела, сказавшись опасением испортить фигуру. Неожиданно она вспомнила об отсутствии необходимого комплекта гигиенических прокладок. Уши её запылали будто она что-то украла. Митя взволнованно спросил: в чём дело.

— Мне нужна официантка, — произнесла слегка в нос девушка, оглядываясь по сторонам.

Митя подозвал официанта.

— Будьте добры, позовите какую-нибудь девушку из вашего персонала. у моей подруги некоторая неловкая проблема.

— Одну минуточку! бодро отчеканил официант и отошёл в сторону.

Девушка пришла незамедлительно. Кристина ей на ушко что-то шепнула и официантка, улыбнувшись, произнесла:

— Да, я вас поняла. Идите за мной, пожалуйста!

В дамской комнате Кристина исправила неловкость. Белоснежная прокладка выручит в эти критические дни, которые есть настоящее проклятие праматери Евы. В эти же минуты она приняла одно из самых судьбоносных решений в своей жизни и кто скажет, что это чисто женская процедура не стала поводом всё обстоятельно обдумать; а, поспешив, не произошло ли бы всё по-иному? Но тогда эта история не была бы написана.

Вернувшись за стол, Кристина пригубила глоток вина и массируя большой палец левой руки, сказала, извиняясь:

— Простите меня, Митя, за некоторую неловкость. Я виновата перед вами.

Митя погладил её волосы, о чём-то задумавшись. Он ждал ответа.

— Я согласна, — услышал он наконец. — Видно что вы порядочный человек, хотя в некотором роде оригинальный. Думаю, я удовлетворю ваше желание сыграть в любовную игру. Я обожаю игры, но только не те, где на кону стоит жизнь.

В бокалах плавал сверкающий хрусталь.

— Я не собираюсь забирать твою жизнь, а желаю её преобразить, добавив в неё некоторые черты страсти и любви...

— Только не говорите мне про любовь! — взмолила девушка и провела пальцем по кончику носа Мити.

Скрипка замолчала.

— Когда наступает тишина, мне становится грустно, — закапризничала Кристина. — Давайте танцевать, а, Митя?!

И они закружились под одну им известную музыку, вызывая восхищение у работников

ресторана и немногочисленных посетителей. Они нашли друг друга и были неподдельно счастливы.

ГЛАВА 4

Кристина лакомилась первым уличным мороженым, полукружием ладони укрыв белый сладкий молочный снег в шоколадном вафельном стаканчике от дорожной пыли, летящей к остановке городского транспорта. Подошёл её автобус, девушка дожевала вкуснейший вафель и сразу же купила билет у прыщавой контролёрши.

В автобусе стоял тяжёлый смог уставших от июньской жары людей, ждущих своего часа, чтобы принять ванну, выпить освежающего напитка и уткнуться в рыло телевизора. Кристина стояла в задку автобуса, мотор которого сквозь днище извергал пылающий жар. Пошло много лет, советская эпоха сменилась псевдодемократией, а вонючие маршрутки остались прежними — с теми же контролёрами с плохой кожей и матерящимися водителями, ведущими обрыдлый транспорт в каком-то полубреду, считая оставшиеся месяцы до пенсии.

На остановке у Городского музея вошли три молодых парня в чёрных футболках и щупленький, с пропитым лицом токарь по кличке Фонарь, когда-то поднимавший благоустройство одной из мордовских колоний, а теперь — законопослушный гражданин, работающий на заводе "Красный луч". Завод, единственный в городе, выпускал дуршлаги, чайники причудливой формы, ища спонсора, который покроет все издержки тяжёлого производства и воровства толстобрюхого начальства в лице сына необъятного мэра города N*** и его же старшей падчерицы, разделивших завод поровну.

Токарь Фонарь встал сзади Кристины, дыша ей своим тяжёлым дыханием в лопатки, обтянутые бюстгалтером. Полупрозрачная блузка Кристины отозвалась в чреслах мужика благодарным трепетом — он даже разглядел две довольно крупные родинки на спине девушки, а потом его взгляд нырнул по позвоночнику к пояснице, к полоске чёрных трусиков, от которой он пришёл в полное умиление. Фонарь отметил подарок этого вечера, оценив хороший вкус всего того, что было предоставлено ему для смакования.

"Эта сука, не бойсь, по Чехиям и прочим Трансильваниям мотается, — вон какие трусишки нацепила, — с кружевным поясом. *****, они чертовски здорово смотрятся на её худом теле!" — думал, жуя сухой табак, теперь, впиваясь взглядом тусклых глаз в фигуру девушки. Он мысленно подцепил чёрную ткань своим грубым пальцем, оттянул и с наслаждением отпустил. В его мозгу раздался словно звук монастырского колокола шлепок резинки об женскую плоть. Член мужика приподнялся. Ну, очень хороший день! Фонарь облизнул обветренные губы едва слышно свистнул. Для него едва слышно.

— Мужчина, не свистите! Вы мешаете мне пересчитывать деньги, — сделала ему замечание тяжело дышавшая контролёрша, почувствовавшая себя грозным учителем для нашкодившего ученика, который курит, пьёт и задирает юбки худеньким ученицам. Фонарь хотел огрызнуться, но сдержался, закинув ещё одну щепотку табака себе в рот.

Страстное желание видеть во всей своей наготе это нежное совершенное тело, спрятавшейся за этой ****-ской блузкой, посмаковать все его тонкости — вот чего хотел Фонарь, полуприкрыв глаза.

Когда-то он трахался со своей подругой Наташкой в её общежитии, среди порванных обоев со слониками, драной люстрой, полов, не крашенных целый век... Он любил брать её раком, грубо, не забыв заглянуть и в анальную дырочку, столь пренебрегаемую интеллигентами. Последних, вечно с похмелья токарь, столь яростно ненавидел, что всякий раз обширные

газы подступали к животу, грозя задохнуть собой весь мир. Наташка была отъявленной дурой, но иметь с ней сношения доставляло ему неисчерпаемую радость, тем более других женщин он не знал.

Да, эту кралю он тоже бы поставил рачком! Попка у неё такая округлая, как орех. Наверное, многие мужики с ней согрешили. Но она не для него создана, это Фонарь осознал со всей явственностью. Он весь собрался внутренне, чуть согнул колени, обретя желание раздеть, смять своими ручищами, войти со всей мужской, но нечеловеческой мощью в её полураскрытую красноватую плоть, двигаться со всей нарастающей быстротой — вперёд, назад, вправо, влево.

Не выдержав, он обхватил бёдра Кристины со всей широтой. Девушка громко вскрикнула, откинув от себя горячие руки этого полупьяного мужлана. Водитель, услышав ор возмущения среди группы пассажиров, остановил автобус. Кристина выскочила, быстрым шагом направилась к киоску, чтобы купить минералки. На киоске висела табличка "ЗАКРЫТО, НО МЫ ДУМАЕМ О ВАС!", показавшейся девушке полной грубого сарказма.

У дверей подъезда Кристина встретила ту полногрудую женщину в том же зелёном платье, что было три дня назад.

— Здравствуйте, Кристина. Как ваши дела? — Улыбающаяся соседка была приторно улыбающейся. Её огромные груди поднимались и опускались, как некая масса, движимая неведомой силой. Кристина подумала, что у неё целый выводок детей. Но допустимо ли такое в наше нелёгкое время?

— Добрый вечер! Извините, я не помню вашего имени... — Кристина изобразила смущение.

— Меня зовут Галя. Я живу на 5 этаже, прямо над вами. Иногда я танцую под вашу музыку. Это так чудесно.

— Галя, вы не помните, приносили ли квитанцию за свет?

— Не помню. Но я рекомендую обратить ваше внимание на очень порядочного человека, который разносит почту. Он несколько раз спрашивал о вас, отмечая ваше обаяние. Кстати, его зовут Владимир.

— У меня есть парень, — ответила слегка грубо Кристина, прощаясь с соседкой.

— Да? — Галя едва вся не вывернулась наружу. Она моментально потеряла интерес к беседе.

В квартире Крестину встретил включенный телевизор. Выключив его, Кристина прошла на кухню и налила минералки из стоящей на столе стеклянной бутылки с расширенным низом, и выпила. Девушка осознала, что выкладывается с полной отдачей на работе "живой рекламы". Она также вспомнила, что где-то в южном микрорайоне родственники — сестры и племянник — будут хоронить того старика, рядом с которым Кристина стояла, предлагая дешёвые презервативы и дар потенции от известной израильской фармацевтики. Старика через две недели должно было исполниться 76 лет, но коварная язва желудка унесла его в могилу. Как говорится — дед отмучился.

Переодевшись в домашнее, девушка позвонила Даше Ермолаевой, своей однокласснице, с которой они ходили на дискотеки и знакомились с крутыми парнями, единственная слабость которых было полное отсутствие мозгов. Даша была где-то на природе, ела шашлыки и потому неохотно отвечала, ссылаясь на плохо работающий вдали от цивилизации мобильник, уже 27 за всю свою короткую девичью жизнь. Также часто она меняла одежду, сожителей и рожала детей. Единственным преимуществом Ермолаевой была

её доступность в любое время суток.

Плюнув на загулявшую подругу, Кристина вышла в Сеть и принялась строчить письмо Мите. Она хотела начать своё с ним общение с воспоминаний детства и юности, с этих самых ранних ощущений своего бытия, с первых взлётов и падений, что даёт существованию необходимый опыт.

Кристина взяла горсть арахиса с тарелочки, почувствовав его некоторую горечь. Набрав одной рукой "Привет, мой ненаглядный приятель и ценитель моего обаяния!", она через небольшую паузу продолжила, подключив для этого и левую руку.

"Буду с тобой также на "ты", видя в тебе свою симпатию. Я люблю открытых и честных людей, твёрдо знающих — чего они хотят в этой жизни. Ты хочешь испытать некоторое захватывающее эротическое чувство, и я помогу тебе. Моя мать воспитывала меня со всей пуританской строгостью, и даже нижнее бельё разрешала менять не раньше чем через полторы недели. Отец, инвалид без ноги, во всём потакал ей. Я была их единственным ребёнком и потому мне доставалось на полную катушку: я испробовала и шнур кипятильника, и затрешины, от которых с неделю болела голова.

В 15 лет я была сослана в Крым к бабушке. Её я любила всем сердцем. верила каждому её слову. У неё я могла есть сколько хочу, гулять до упаду и наслаждаться свободой.

В один из вечеров у меня проснулась сексуальность. Бабушка уже спала, когда я, лёжа в кровати, захотела раздеться и осмотреть своё изменившееся тело за эти 3 года, проведённых в бреду стычек с родителями. Я подошла к зеркалу шкафа и расстегнула лифчик. Начавшаяся хорошо развиваться грудь приятно порадовала меня. Я приподняла их снизу, чувствуя их упругость. Коснувшись сосков, я ощутила на пальцах прозрачную жидкость. Мне захотелось попробовать её на вкус, но я не решилась. Дело дошло до трусиков, привезённых подругой матери из Гонконга. Они были приятно тонки, материал ткани хорошо подходил к оттенку кожи. Я бросила их на кровать и слегка расставила ноги. Тёмный треугольник завившихся волос удивил меня своей таинственностью. Я поняла тех мальчишек, торчавших у общественной бани, взглянувших на меня затуманенными глазами. В тот день они стали свидетелями женской тайны и это глубоко потрясло их. Теперь, когда я стала похожа на тех женщин, мне захотелось того, кто всё это благодарно оценит. Проще говоря, я захотела интима, о приятности которого я слышала не раз, но которого в глубине души боялась.

Выйдя мысленно перед собой возмущённое лицо матери, я осторожно провела по щели своей напряжённой плоти, ощущая влагу, кем-то мне данную, и я поняла свою родительницу: в этой щели столько много хорошего и плохого, столько женственной силы, до конца неосознанной мною в ту пору. Погрузив самый длинный палец внутрь, я ощутила перегородку из ткани и это подвигло задать самый глупый в моей жизни вопрос: но как же проходят месячные, если там всё наглухо закрыто? Я схватила учебник анатомии, взятый мной в сельской библиотеке. Отыскав оглавление, нашла нужное "Строение влагалища. Страница 82", и стала неторопливо листать твёрдые страницы, пока не нашла искомое. Вот она, нежная и притягательная вульва! У меня подскочило давление и я присела на кровать. Рисунок был помечен стрелками, отсылающими к пояснениям. "Девственная плева" — прочитала я, а далее — мелким шрифтом — "Плева имеет небольшое отверстие, которое способствует её разрыву и выходу менструальной крови". Я всё поняла и глубоко вздохнула как маленький ребёнок. До 15 лет я не знала, откуда берётся на белый свет плохо пахнущая жидкость! "Ну ты и дура, — подстёгивала я себя. — Хорошо, что ты знаешь, откуда берутся дети!" Затем явился его величество клитор, обозначенный со всей тщательностью. "Ну вот,

просветили" — сказала я вслух и услышала как бабушка в соседней комнате шевельнулась, а потом повисла всё та же тишина.

Мне безумно захотелось голышом выйти во двор, чтобы насладиться дыханием ветра. Я на цыпочках прошла мимо комнаты бабули, осторожно открыла дверь. также с предосторожностью её закрыла, выйдя. Это была божественно прекрасная лунная ночь! Я сразу же нашла созвездие Большой Медведицы, Сириус, осознавая, как же до них далеко. Ступая по плоским плитам гранитного камня, я ощутила голыми ногами величие родной земли. Я прошлась ладонями по всему телу, и задержала их на лобке. Подойдя к деревянной бочке с дождевой водой, я погрузилась в неё. Почувствуй, дорогой Митя, то великолепие от живительной влаги, что ощутила я — я дарю её тебе!

Услышав, как у соседнего дома остановилась машина с включённой мигалкой, я подошла к забору и выглянула на улицу. Это была "скорая", к которой двое мужчин в халатах несли носилки с телом, плохо мною видимое. Я слышала стон; где-то ещё дальше слышалась рок-музыка. Я тогда подумала: "Кто-то умирает, а кто-то, наплевав на всё, наслаждается жизнью во всю прыть".

Что-то уселось мне на голую попу и я, извернувшись, хлопнула ладонью по зудящему месту. Почувствовала неживое насекомое, скатала его в шарик и пошла домой. Улегшись спать, я думала о том человеке, захворавшему и может быть — умиравшему в те минуты, когда я голышом ходила в ночи. С мыслями о совести я и заснула".

ГЛАВА 5

Мите снился полуразрушенный амфитеатр, битком заполненный разномастными зрителями, среди которых были и его родители — подавленные некоторой смутностью торжественности этого представления. В центре сцены стоял стол о трёх ножках, вокруг него расположились четыре стула, занятых людьми, отвечающими за весь процесс представления. Среди этих людей выделялся лысый человечиска с большой козлячьей бородкой. Он был ужасно простужен несмотря на август, чихал и кашлял, поминутно вытирал платком слёзы с воспалённых глаз. Его поведение было сумбурным, но он по-хозяйски твёрдо позвал Митю к столу, показал ему на экран в три метра высотой, где появилось лицо Мити, слегка удивлённое, но притягательно строгое, как на иконе.

Зрители на гранитных сидениях перебалтывались, о чём-то ожесточённо ведя дискуссии друг с другом.

— Господа, попрошу тишины! — Лысый мужчинка взял микрофон и произнёс первую фразу. — Мы собрались здесь, чтобы узнать о Мите всё то, что должен знать каждый уважающий себя человек в нашем образованном государстве. Уважая цензуру правительственных органов, мы сегодня решили эту самую цензуру исключить, давая вам возможность получить самую ценную и правдивую информацию.

Ведущий представился как Глеб Иванов.

— Я попрошу у вас, дорогие зрители, полнейшей внимательности и вдумчивости. Будьте друзьями Мите, а не врагами. Однако, не со всем попрошу соглашаться, ибо критика здесь приветствуется. Итак, начнём.

На экране появилась юная китаянка во весь рост, с косичками, одетая в просторное голубое платье, несколько скрывавшее её предрасположенность к полноте. Девушка сидела на скамейке в городском парке Пекина и читала тонкую книгу в цветастой обложке.

— Это Ли Мэй. Ей 19 лет и она очень умна. Мир для неё — шкатулка, полная чудес. Рано повзрослев, Ли Мэй пока не нашла достойного возлюбленного, так что, Митя, вам

стоит обратить на неё внимание.

Митя чуть привстал и впился взглядом в китаянку. Её изображение из далёкого Китая ему нравилось, но хотелось чего-то иного. Об этом он и сказал.

— Как знаете... — с некоторой отрешённостью произнёс Глеб Иванов, щёлкая фото другой претендентки на сердце Мити. Это была девушка из Кении, Ама Бадугея, рослая, с хорошо развитой грудью и длинной шеей, которая ей удивительным образом шла.

— Что вы скажете об этой прелестной особе из Африканского континента?

Митя повесил изнурительно долгое молчание. Лысый перешептался с одним из своих помощников, высморкался в платок и снова взял микрофон.

— Мы вас поняли, Митя. Ама предоставила в наше распоряжение серию откровенных фотографий со своим участием. Предлагаю вам ими насладиться. Это просто персик, а не девушка, ах-ах! — Ведущий щёлкнул пальцами.

Пошла слайд-серия очень эпатажных изображений. Кенийка была полностью обнажена, её бритый лобок мелькал тут и там, создавая впечатление вездесущности женских половых органов в этом мире.

Зрители охали и ахали. Собравшиеся на представление были людьми довольно пожилого возраста, а потому, все эти вызывающие позы Ами — широко расставленные ноги, вид сзади, увеличенная съёмка всех прелестей спереди, — захватили их неискушённое внимание, тем более — в своей молодости такого они себе не позволяли. О, времена, о, нравы! Куда делась целомудренность и простая девичья стыдливость? Это возмутительно. Но никто не отвёл взгляда от экрана, где была кенийка 20 лет, сошедшая с ума от тяжёлой африканской жары.

— Итак, дорогой Митя, мы ждём вашего решения. Что вы скажете о Аме Бадугеи?

— Хотелось бы чего-то более традиционного, более родного, что-ли. Кенийка великолепна, но способна ли она создать крепкую семью и любить меня так, как она любит свои прелести? Не уверен.

Глеб Иванов поморгал редкими ресницами и ничего не сказал. Ему всё меньше начинал нравиться этот задавака Митя, и ведущий подумал, как бы ему насолить. За время работы в шоу-бизнесе он много повидал всяких разных дураков, мир слухов и сплетен сузился для него в такую маленькую щелку, какой была, извините, щелка его любимой внучки, ещё гулявшей во дворе голышом и знающей одно единственное слово "мама".

— Митя, не хотите ли вы невозможного? А, может быть, вам по душе мальчики, знаете, с такой розовой кожей и нежно-сладкими руками? Смотрите, наслаждайтесь.

На экране возникли снимки секса между тремя парнями. Митя закрыл глаза. Это же сделали некоторые особо чувствительные зрители, а у некоторых эта демонстрация однополрой любви вызвала лишь умилённые улыбки.

После пошли прямо порнографические зрелища. Один из парней, — накаченный как сосуд с вином, широкобёдрый, с маленьким членом, болтающимся внизу живота будто язык дохлой собаки, подвешенной за лапы к крюку безжалостным садистом, — работал на двух фронтах: он и делал минет парню с огромным членом, и дал свою задницу для соответствующих инсинуаций с ней рыжеволосому негру с наколкой в виде лилии на бедре. Парень-подарок стонал как рязанская девка на сеновале. Как он это делал с ртом, в котором был погружён член, никто не знал, но стоны были весьма животрепещущие, сердцеразрушительные.

— Прощу вас, выключите эту мразь! — крикнул во всё горло Митя и дал рукой по столу.

Глеб Иванов соорудил рожицу и во всё услышанье пукнул. Зрители начали расходиться.

Ведущий снова взял свой микрофон.

— Господа, остановитесь, сейчас он увидите самое главное в этой нашей программе! Вы все думаете: да, этот Митя, человек порядочный и свободомыслящий, с твёрдыми убеждениями, знающий, что когда писатель часто упоминает в своей книге кровососущих, то это означает жертвенность его героев, их желание стать агнцами Бога, отдать миру свою жизнь, свои лучшие убеждения. Нет, Митя не такой. Внимательно посмотрите на следующий снимок...

На экране возник мужской половой орган в эрекции. Головка члена была показана с тем увеличенным размером, который делал вид пениса величиной с детскую голову двухлетнего возраста.

— ...Вы видите огромный член нашего Мити. Он просто громаден и не в какие каноны не лезет! Ну и скажите мне: как с такой хреновиной размером в руку иметь какие-либо отношения с девушкой, и даже — женщиной? Да он её просто-напросто разорвёт по всем швам! Митя, член ваш ужасно огромен, вы ужасно безразмерны, Митя!

Зрители остановились и впечатались взглядами в демонстрацию пениса Мити. Родители парня закрыли глаза ладонями, лица их были пунцовыми, уши горели как пылающее поле пшеницы. Несколько женщин упали в обморок. Сам Митя ушёл к тумбе с водой и обливался с ног до головы.

— Позор! Позор! — кричали уходящие зрители. Эти дикие слова заставили Митю проснуться, привстать в кровати, озираясь по сторонам как загнанная лошадь. Ужасное сновидение бешено завело Митино сердце, его стук сбивал дыхание, вызывая ломоту в костях. Парень снова откинулся на подушку, но полежав так около минуты, он окончательно распрощался со сном, направляясь на кухню, чтобы включить чайник и заварить утренний кофе.

С включенного радио неслась залихватская музыка казачьего ансамбля. Жирный котяра мяукал у кухонного стола, царапал время от времени его ножку, вылизывал шерсть, линявшую в некоторых местах. Митя кинул ему кругляшок сыро-копчённой колбасы, кот жадно схватил добычу и убежал в одну из комнат.

— Здорово, Виталя, как жизнь? — Митя звонил ещё одному брокеру, съевшему собаку в финансовых джунглях. — Знаешь, мне эта Кристина прислала письмо и я обалдел от её откровенности. Она разрисовала всю свою подростковую жизнь, не оставив ни одного тёмного места. — Митя цокнул языком. — Друг, я от неё без ума!

Собеседник на том конце что-то говорил Мите, и Митя кивал головой, смеялся, негодовал, улыбался и всё слушал и слушал.

— Так ты говоришь: не торопи события. Я прислушаюсь к твоему совету, Виталик. Мне дорога эта девушка, но я пока не знаю, чем. Может, она ничего не скрывает, и мне это нравится, ведь я всегда это ценил в человеке.

И снова наступил монолог Виталика. Кот снова пришёл на кухню и лёг у холодильника.

— Я, Виталя, сегодня на биржу не приеду, — снился дурацки изматывающий сон. Замолви обо мне словечко, разъяснения я пришлю по электронке. Что? Свидание с ней? Не сегодня, и не завтра; думаю, мы найдём более подходящий повод встретится, нежели мой простой из-за фрейдовских заморочек.

Митя замолчал. Виталик закончил разговор, пожаловавшись на плохое самочувствие. Он тоже не горел желанием погибать на биржевых торгах. Оба приятеля проигнорировали

биржевые баталии в эту среду, каждый с одинаково гнетущими впечатлениями о начале дня. Они уважали в друг друге финансовое чутьё, — потому сегодня они решили, что это не их день.

Митя взял листок бумаги и стал писать неразборчивым почерком: "В Кристине отмечаю особенную женственность (по первым впечатлениям). Её душа открыта перед человеком, которому она доверяет (это её слова). Я могу стать для неё садом, где душа девушки расцветёт. Нужно лишь приложить для этого соответствующие усилия. Дерзай, Митя!" Он нарисовал сердце, пронзённое стрелой. На лице его была умопомрачительная улыбка.

ГЛАВА 6

Пятница подарила прохладу.

На бирже висело напряжение перед уикендом. Митя как брокерский аналитик занимался состоянием дел в "Главцементе", отмечая рост стоимости акций компании, благоприятный годовой отчёт и квалифицированные кадры. Созерцая фотографию президента "Главцемент", Митя подметил неисчерпаемую грусть этих глаз, стоимостью в миллиард баксов. Может, деньги дают особую мудрость и тогда жизнь смотрится с особой чёткостью, а, возможно, это простая пресыщенность удовольствиями. Подружка олигарха, поднимая свои великолепные руки-спицы в верх, выражала дефицит во всём — в фигуре, уме и красоте. Чем же она смогла зацепить этого Вахрушева Тимофея Константиновича, от портрета которого хочется безудержно рыдать? Такие особы рвутся на верх вопреки всему, в том числе, и здравому смыслу.

Ваня с сигаретой в отведённой в сторону руке подлетел к офисной кабинке Мити с удушливым запахом дермового табака. Митя всегда отмечал в собрате финансовых баталий страсть к всему крепкому. Пил Ваня текилу и абсент, и по окончании вечеринок его выносили живым трупом, под шлейф безудержного мата. Подружки Вани всегда плелись в конце процессии, с его бумажником, в котором не было ни копейки. Зато сумочка очередной барышни имела приятную тяжесть.

— Ну и чем ты тут дышишь? — возмутился Ваня и открыл окно. Сигаретный дым растворился в напоре прохладного ветра. Вместе со сквозняком залетала и одна из композиций "Скутера". Ваня стал хлопать в ладоши. Митя сморщился, сопровождая падение пепла Ваниной "Балканской звезды", красноречиво негодуя взглядом. — Митяй, да не смотри ты так на меня, нет во мне изъяна, а есть неоспоримые преимущества. — Ваня рассмеялся как иерихонская труба.

— Какие в тебе преимущества? — иронично сказал Митя.

— Во всяком случае, мои девушки не игнорируют меня гробовым молчанием, а твоя Кристина оказалась сучкой, забыв о тебе после весьма впечатляющего начала.

— Не называй её сучкой!

— Ну-ну, вижу, Митя оскалил зубы. В эти минуты ты становишься похож на голодного вампира, отвергнутого и растоптанного в прах. Нет в тебе гордости, дорогой мой, нет хватки бешеной собаки, а ведь сам знаешь, без бешенства в любовных делах просто никуда. Злость должна быть, вот как у неё — и Ваня ткнул пальцем в пупок стервы олигарха Вахрушева. — Ни любви, ни тоски, ни жалости, зато очень много денег. В твои 35-ть не иметь постоянной девушки — это самое изощрённое преступление! Спустись на землю, Митяй.

Митя смахнул ладонью Ванин пепел и сказал с усталостью в голосе:

— Кончай эту клоунаду! Моя личная жизнь тебя, Ваня, не касается.

— Касается, ещё как. Я твой лучший друг, твой компаньон. Протухнешь от переизбытка

неизрасходованных гормонов, с меня спросят. Босс именно ко мне придёт и сделает со мной такое, что не сделал бы ни с одной девкой.

— Гоблин гетеросексуал.

— Это он такой перед группой мужиков с разинутыми ртами, внимающими каждому его слову. Сам знаешь, наказание его жестоко и неизбежно. Вот за эту сигарету Гоблин сможет лишить меня всяких премиальных. — Ваня показал на сигарету и снова затянулся.

— Так не кури на рабочем месте!

— Не могу.

Ваня выбросил окурок в окно. Прошёлся пару раз дурашливой походкой и вышел из кабинки. Но через мгновения снова показалась его кучерявая есенинская голова.

— Митя, к тебе девочка. "Мы не ждали, а вы припёрлись" — хохотнул Ваня, исчезая.

На пороге офисной кабинки возникла Кристина. Её смущённое лицо выражало сильное волнение. В руках девушка держала четыре гвоздики. Возникло нелепое молчание.

— Привет! — наконец произнесла Кристина. — Прости что пришла к тебе на работу, но ты должен мне помочь.

Митя сказал, что им лучше поговорить на улице, и они быстро спустились на лифте до конференц-зала. Митя что-то сказал на ресепшене, и вот они вдвоём уже идут по парку, рука в руке, как мечтали в своих тайных желаниях. Прохожие со вниманием отметили эту привлекательную пару — парень в строгом деловом костюме и девушка в светло-бирюзовом платье, облегающем её стройную фигуру.

— У тебя очень интересная работа — сказала куда-то в сторону Кристина. — Тебе хорошо платят. — И после небольшого промежутка: — Я выматываюсь в этой дурацкой рекламе. Сил уже нет.

Митя остановился у дерева, сломал прутик веточки и взял в зубы. Он очень много хотел говорить приятного этой замечательной девушке, но мысли путались как упрямый моток пряжи в неумелых руках.

— Переезжай ко мне и бросай свою каторгу — наконец произнёс он.

— Да, ты прав.

Они сели на элегантную лавочку из железа. Кучевые облака предвещали скорый дождь.

— Митя, ты помнишь того старика, что сидел рядом со мной. когда мы встретились?

— Да, конечно.

— Он умер. — Кристина вытерла внезапную слезу и подняла взгляд к небу. — Его хоронили родственники.

— Почему они не помогали ему при жизни? — Митя бросил веточку в урну.

— Не знаю. Кому нужен инвалид. Я сама это по себе знаю. От моего отца все отвернулись, а мать часто называла его калекой, разрывая его сердце попреками и издёвками. Такие люди — обуза. Они как бельмо на здоровом теле.

Митя с состраданием взглянул на мужчину лет 50-ти на костылях. Мужчина устав, присел на лавочку напротив и закурил. Рядом с ним лежала оставленная кем-то газета. Он взял её, пробежал взглядом по заголовкам, а затем выбросил её в урну.

— Ты переедешь ко мне? — вновь спросил Митя.

— Подожди. Я хочу чтобы мы съездили с тобой на кладбище. Мы найдём могилу старика и я положу ему эти гвоздики. Кроме нас ему никто их не положит. Я знаю, он улыбнётся там, на небесах.

— Хорошо, пойдём к моей машине. Тем более, сейчас пойдёт дождь с грозой.

— Боже, я боюсь грозы! — поёжилась девушка и теснее прижалась к Мите.

— Она и мне мало приятна.

Они пришли на автостоянку. Митя завёл свой "фольксваген", который, резко тронувшись, помчал их на 2-ое Городское кладбище.

— Как зовут того парня, что называл меня "девочкой"? Он очень смешной, — смотря на мокрый серпантин дороги, мелькавший перед глазами, спросила Кристина.

— Ваня. Иван.

— У тебя хорошие друзья.

— Ты же их не знаешь, — улыбаясь, сказал Митя. Грохнул гром, сверкнула гроза. Машину тряхнуло на яме.

— Всё равно.

...У кладбища они застали смотрителя. Борода его смотрелась захватывающе броско. Вылитый старик-мудрец Толкина. Спросили его о свежих захоронениях. Он, не раздумывая, отвёл их к скромной могиле с ещё красивыми венками, обложенными вокруг небольшого деревянного креста. С фотографии смотрел здоровый мужчина в очках с добрым проникновенным взглядом. Мужчина мог быть инженером в проектно-институте, конструктором самолётов или хорошим режиссёром, завсегдаем модных кинофестивалей... В нём было мало сходства с тем стариком, что собирал милостыню, мечтая по-человечески просто сходить в туалет. Но вопреки почти отсутствующим сходством, это был тот, кого они знали при жизни, очень тяжёлой и жестокой.

Девушка положила гвоздики на подножие креста. Голуби, плавно кружились в небе, прояснившись от туч, опускались к земле и вновь набирали высоту. Смотритель косил междурядья ручной косой. Трава была в человеческий рост и духота от неё ложилась комом в горле.

Кристина и Митя прогуливались между последних пристанищ когда-то любивших, живших заботами людей. Их прижизненные снимки бросались в глаза, заставляя задуматься над тем, зачем и как ты живёшь. Эти сотни, тысячи улыбающихся лиц как-будто подтверждали, что там, где они сейчас, им лучше, отвергая убеждения, что жизни после смерти не существует.

— Я люблю здесь гулять, — тихо произнесла Кристина.

— Слышал вчера, что наплась парочка смельчаков, находивших удовольствие в занятии сексом на кладбище. — Ирония Мити была с горечью.

— Ну зачем ты так. — Девушка опустила взгляд.

— Но ведь это так дико — любить кладбище! — Митя чуть повысил голос. — Кладбище — это страдание. Это боль утраты; это кинжал в самое сердце.

— Это тишина и покой, Митя.

— Ты поедешь ко мне?

— Да, конечно. А пока наберись смелости и не бросай меня здесь. Я часто здесь бываю одна, но в этот раз захотела, чтобы ты был рядом. Всё живое устаёт от одиночества.

Внезапно Мите захотелось напиться до самого беспамятства. Пустота в душе заполнялась чем-то новым, мало понимаемым. "Может бросить всю эту игру в любовь — размышлял он. — И быть как и раньше, один? От одиночества ещё никто не умирал, а от любви — сколько угодно".

Смотритель достал из за пазухи фляжку и сделал большой глоток. Жидкость стекла по его лицу, спадая на землю. Он взглянул на Митю и ушёл в заросли травы.

Любовь — это язычество; она никому не подчиняется, до конца никому не открывается; она всегда нова и безвинна. У настоящей любви нет тлена, нет порока, нет изъянов; люби — и ты обретёшь истинное счастье.

Первая ночь Кристины и Мити была заполнена неисчерпаемой страстью. Молодые люди упивались друг другом, обретая какое-то неземное знание, дающее наслаждение в каждом прикосновении к любимой коже, в каждом биении сердца, открытого чтобы любить. Темнота комнаты освещалась только работающим ночником. В полуоткрытое окно, зависшее над ночью и спящим городом, входил прохладный ветер, колыша занавески. Работал кондиционер, мерно сопя словно маленькая собачка.

Обнажённое тело Кристины с широко раздвинутыми в стороны ногами изображало на стене причудливую тень. Мите она казалась чем-то сродни китайскому дракону, застывшему у пруда с чудесными лилиями. Девушка чуть слышно стонала, полуприкрыв глаза. Митя, приподняв слегка её ягодицы, входил в изнывающее от страсти лоно во всю глубину. Нет ничего величественнее обычного совокупления мужчины с женщиной, даже боги замирают в своих небесах, созерцая это действо. Мир останавливается в эти трогательные мгновения, одаря любовников всеми силами земли.

Отвердевшие яички Мити выпускали чуть улавливаемый запах мужской силы. Для Кристины этот запах был символом защиты, поддержки и заботы. Теперь, думала она, нет в её жизни скверного одиночества, нет беспокойства засыпать и просыпаться одной — одной берёзкой в диком поле, склонённой ненастным ветром и трясущейся от дождя и грозы. В сердце девушки входило умиротворение, тело, напряжённое, ждало взрыва оргазма. Этого взрыва ждали глаза, рот, кончики груди и принимающее мужскую силу нежное женское естество, готовое слиться с семенем мужчины и подарить новую жизнь.

Самые нежные прикосновения исходили из движений Мити внутри подруги. Головка члена как самое совершенное орудие любви, глядя покрытые влагой стенки лона Кристины, возбуждали в теле девушки желание идти навстречу этим движениям, чтобы не было предела удовольствиям и счастьем любовного искусства. Охвативший все клеточки тела Кристины ошеломительный оргазм как завершение всех действий секса, слил сознание девушки с потусторонним миром. Струя семени оросила подвижные в судороге ткани потаённого места созревания любви. Вошла ли с этой струёй новая жизнь, пара любовников не знала, но знала, что родилась обоюдная любовь, вышла на свет жажда делится теплом и радостью в этих молодых телах, ещё не думающих о смерти и не страдавших от тяжёлых болезней. Они наслаждались уютом быть вместе. У этих двух щёки пылали жаром страсти.

Уснули они, когда луна перестала светить в окно их комнаты. Голые тела забылись покоем. Ночь была бесконечной, но потом эта бесконечность сменилась радостным июньским рассветом, в котором всегда присутствуют птицы, голоса мам, отводящих своих чад в ясли, приятный шум работы дворников и лай собак, беспокоящий близ находящихся кошек, но не людей.

— Доброе утро, Кристи! — Митя улыбнулся во всю ширь лица и погладил бедро подруги. — Я рад, что это всё наконец состоялось в моей холостяцкой квартире. Раньше я бы встал, совершил обыденные движения как робот, но теперь, когда есть ты, я хочу что-то делать ради тебя, ради любимого, дорогого человечка, которому я нужен. Пусть я не так опытен в сексе — признаюсь тебе: у меня было мало друзей, — но сердце моё полно желанием расти вместе с твоим сердцем, радоваться каждому дню, каждому вздоху.

Кристина положила голову на грудь Мити. Она слушала, как равномерное дыхание

движет кровью, дающей жизнь этому любимому существу рядом с ней. Она вспомнила детство, когда засыпала на груди у бабушки, гладившей всегда её пышные волосы, читавшей молитву ангелу-хранителю или напевавшей прекрасную песню казачьих станиц, откуда бабушка была родом. Бабушкино сердце билось как сердце Мити, хотя они соответствовали друг другу. Кристина это знала, но знала ещё, что сходство есть в том, что оба этих сердца содержали любовь к ней. Пусть Митя не любил её во всю мощь, но чувствовалась уже начальная сила этой любви.

— Ты подарил мне великолепную ночь! — промурлыкала Кристина.

Митя стал перебирать пряди её волос, любуясь их блеском.

— Так неохота на работу ехать. Я забыл, что карьера целиком когда-то поглотила меня, но теперь я даже сменил бы биржу на что-то другое, лишь бы быть чаще с тобой, моя любимая.

Девушка откинулась на подушку. На её грудь лёг лучик света.

— Я читала твои заметки о детстве. Митя, у тебя есть литературный талант. Ты мог бы написать книгу...

— О чём?

— О любви, о радости принадлежать друг другу...

Митя привстал и облокотился на оббивку кровати. Надо было идти в душ, но этот разговор целиком и полностью захватил его внимание. Он забыл о работе, наслаждаясь слухом — слышать любимый голос, внимать его скрытым вибрациям.

— Но у меня нет сюжета. На пустом месте книгу не написать — нужна основа. Да и опыта у меня совсем нет.

— Митя, опыт приходит вместе с удачей, с успехом. А сюжет, основа, как ты говоришь, всегда присутствует где-то рядом. Я хотела заняться сочинительством, но реклама забирала все силы. В 18 лет я писала стихи, их даже хвалили, но через год всё кончилось молчанием. У тебя может получиться что-то достойное, ведь ты пишешь с тех же 16-ти, но без перерыва. Твои записи о бирже интересно читать. О любви ты мог бы написать ещё интереснее. Любовь всем интересна.

Митя встал с кровати. Кристина окинула взглядом его чуть возбуждённый пенис. Какая сила поднимает его, подумала девушка, как этот всякий мешочек в основании мужского органа способен зарождавать жизнь? "Ну и мысли с утра", — ужаснулась она.

— Я в душ, — сказал Митя и ушёл в пространство прихожей.

"Интересно, что чувствует девушка, вбирая этот чувствительный мужской орган в свой рот?" — размышляла Кристина. Мякоть головки, как говорили её подруги, соприкасаясь с губами, рождает мужчине непередаваемые ощущения, от чего яички начинают подрагивать, тяжелеть, и член, отвердевая, проникает, на сколько может, в пространство рта. Девушка начинает языком играть с головкой, как ребёнок играет со зверем за клеткой, кончик язычка раскрывает отверстие пениса, мужчина стонет, оперевшись руками о голову девушки. Минет, которого нет прекраснее! Тоже самое чувствует девушка, когда мужской язычок забавляется с её клитором. Тот же зверь, томящийся за решётками клетки.

Митя появился в комнате, опоясанный полотенцем. К этому времени Кристина одела халат, пристально вгляделась в своё отражение в зеркале, отмечая припухшие нижние веки, будто она перед этим утром выпила цистерну воды.

— Я готов перевернуть биржу вверх дном, — бодро расхорохорился парень Кристины, одеваясь в деловой костюм.

В душе девушка пела старую сицилийскую песню, выученную наизусть во время учёбы в колледже информатики. Интересно звучащие словосочетания этого чужого наречия ласкали слух, рождая приятные воспоминания. Человек всю жизнь переходит из прошлого в настоящее, а иногда, и отдавая некоторую дань будущему.

В дверь ванной комнаты постучали. Кристина открыла, улыбаясь. Митя окинул её плотоядным взглядом, сплющив пальцами один из сосков. Вдобавок, Митя лизнул этот кончик и у девушки затуманился взгляд.

— Ты безумно хороша, — прошептал парень. Кристина провела его пальцем по своей промежности, отмечая как вздулся бугорок на брюках своего молодого человека. "Хочу кусить его возбуждённый пенис и долго, бесконечно долго обводить своим языком все его очертания, каждую его часть". Мысли Кристины рождались с нечеловеческой скоростью.

Чуть остыв, она поцеловала его во влажные губы.

— Я буду ждать тебя с верностью лебёдушки, мой милый мальчик. — Кристина погладила его по волосам, замечая периферийным зрением светлый волосок у Митиногo виска. Она не смогла его туда поцеловать, хотя была полна этим желанием.

Открыв дверь подъезда, Митя столкнулся взглядом с лысым, сухоньким мужичком неопределённого возраста. Он сидел на лавочке и играл сам с собой в шашки.

— Несчастный влюблённый молодой человек, — прокартавил мужичок голосом древнего человека.

— Да пошёл ты... — выругался Митя, быстро направляясь в сторону своего "фольксвагена".

— Вы не осознаёте всю глубину своей трагедии.

— Много ты знаешь, старый чёрт! — злые слова Мити ударили пророчившего будто отбойный молоток.

Глава 8

Биржа — секс цифр, бесконечность минусов и плюсов, с помощью чего рождается движение, питающее всё земное пространство. Это движение сродни воде в мельнице, в которой жернова дают жизнь, соприкасают неживое с живым, рождая легенду о бесконечности всего сущего.

Биржа города N*** питала собой этих глубоко взволнованных людей, способных с дьявольской быстротой прогнозировать убыток или доход всякой сделки, осознавая значимость каждого своего финансового шага. Все любят деньги, деньги не любят никого. Многие получали в биржевых стенах подлинный оргазм. Жаль, от этого не рождаются дети, а так бы эти довольные течением судьбы люди позабыли о иной жизни, где есть смерть, рождение и любовь. Биржа всё это исключала, но предлагала заменить искусственной игрой в бытие.

Митя, пощипывая уже красные уши, говорил по внутренней связи с Гоблином, сузив глаза до китайских щелок. Виталик и Ваня изучали диаграмму одного из немецких металлургических заводов, мечтавшего вступить на российский рынок поступью Бисмарка. Свет мониторов проникал в каждый мозг, вызывая неистребимую эйфорию принадлежности к вечному движению денег. Каким-то чудом оказавшийся здесь голубь резал спёртый воздух, пока не упал в подставленные Митины руки.

— Вот он, символ хрупкости нашего мира, — изрёк с наигранной торжественностью, поднявший руки вверх Ваня. Он принял бездыханного голубя с некоторой безразличностью, отошёл к плакату с Обамой, гласившим: "ТЫ ГОТОВ ПОМОЧЬ АМЕРИКЕ?" и прикол

крыло птицы с помощью булавки к рукам афроамериканского президента. Несмотря на непрекращающийся гул голосов вокруг, внутри Вани повисла тишина.

Виталик снял промокшую насквозь футболку как отпахавший матч футболист, закинул футболку на плечо и засеменял на второй этаж, где располагались офисные кабинки брокеров. Здесь у каждого стояло по три телефона, ксерокс, ПК, факс и принтер. На третьем столом лежала самая знаменитая книга Л. Рона Хаббарда.

После Виталика сюда пришли уставшие, с воспалёнными от усталости глазами, Ваня и Митя. Все трое собрались в кабинке Вани, рассевшись по углам, с неснятыми наушниками внутренней связи.

— Откуда взялся на бирже голубь, Митя? — больше взглядом нежели голосом спросил Ваня.

— Оттуда, откуда раньше у нас возникали бабочки, синицы, стрижи и прочая, и прочая. Гоблин дурачится.

Тишина. Затем где-то в соседней кабинке зазвонил телефон. Митя вздрогнул, постучал пяткой обуви и сжал правый кулак до хруста.

— Сегодня Гоблин ждёт к себе в гости новенькую Жанну. Говорят, у неё был всего один мужчина, так что нашего босса ожидает нечто особенно сладкое. — Виталик вздохнул, чувствуя в сердце волнение. Параллельно этому разговору он обдумывал, что подарить пятилетней дочери Милане на день рождения. Шустрая девочка не знала ни в чём отказа и Виталик всё больше сходил к мнению, что в этот раз подарок должен быть гениально скромным.

Тишина. И снова дикий звук телефона, сотрясающий пространство, а больше — напряжённые сердца троих мужчин.

— Может, поглядим на Гоблина в действии? Нужная камера имеется, вывод на ПК имеется. так что нужно сделать выбор: вы со мной или нет. — Виталик ждал ответа.

Босс имел в коллективе биржи славу железного ловеласа, выдержка которого переплюнула всю стойкость африканцев.

— Я с тобой, — сверкнул глазами Ваня и посмотрел в сторону Мити. — Ты как?

Митя поиграл туфлями, откровенно выражая равнодушие. Он больше всех протестовал внутренне против излишней любвеобильности руководителя, создающей плохую репутацию для всех подчинённых Гоблина. В некоторых СМИ прошла информация будто Гоблин не брезгует и сильны полом. Это мало давало повод уважать личность босса.

— Ладно, я готов увидеть представление с Гоблином, если оно не слишком затянется, — согласился Митя, вставая со стула. — Лишь бы наш Казанова не умер во время процесса. Хотя, он в силах удовлетворить и самую взыскательную даму или какую-нибудь тётю Шуру из доярок молочной фермы, имеющей секс раз в год, а потому, готовую разорвать всякого мужика от яиц и до носа.

Ваня и Виталик заржали во всю мощь.

Спустя десять минут они уже были на третьем этаже биржи. Роскошные фикусы создавали впечатление о шикарной оранжерее, разбитой здесь опытной рукой, разбирающейся в тонкостях биологии. Паркет давал насладиться причудливой игрой теней от листьев фикусов. Света в окнах было так много, что возникало ощущение, будто солнце просвечивает тебя насквозь. Алюминиевые остовы окон заставили Ваню отдернуть руку от них, вызывая смешки у его друзей. Мите вспомнился ёжик в тумане.

Войдя вправо от коридора, они прошли сквозь несколько кабинетов, пока не добрались

до маленькой гардеробной, забитой ненужным барахлом, впитавшей тлен во всех его проявлениях. За столом сидел мощный сотрудник службы безопасности, щёлкающий орехи и поглядывающий в монитор ноутбука. Увидев их, охранник встал и пожал каждому руку.

— Ну, как, Федя, всё готово? — голосом имеющего власть сказал Виталик, похлопывая бугая по плечу.

— Обижает. Всё чики-пуки! — смеясь в подражание одному из греческих богов, обрадовал всех Фёдор, на дух не переносивший Гоблина, так как ещё во время военной службы сделался импотентом и возненавидел всё, что относилось к сексу. Он согласился на это дело, позарившись на предложенные Виталиком пять тысяч деревянных, горя желанием помочь умирающему от туберкулёза сводному брату, прилетевшему из Кыргызстана в сопровождении дюжины своей родни.

Трое биржевиков уселись у монитора, а Фёдор вышел, оставшись стоять за той стороной двери. Камера транслировала две фигуры противоположных полов, со вкусом пьющих вино и закусывающих сушёной рыбкой. Они тихо беседовали. слов было не разобрать. Виталик прибавил звук.

— Вы, Виктор Васильевич, так вкусно пахнете! — ворковала Жанна, поглаживая волосатую руку Гоблина.

Босс скривился как от свежей клюквы.

— Жанночка, умоляю, молчи. Сегодня я твой господин и я не желаю слышать от тебя банальностей. Говори телом, но не языком, хотя, и твоё тело принадлежит мне.

Гоблин включил музыкальный центр и грянул оглушительный хард-рок.

— Тварь, — ненавистно прошипел Ваня, впившись взглядом в пьющую вино фигуру руководителя. Закурив, Ваня откинул голову назад, пуская колечки дыма в загаженный мухами потолок. "Эх, размазать бы босса по этим засранным стенам, слышать его умоляющие нотки в лживом голосе, наслаждаться унижением ещё одного хозяина жизни, народного кровопийцы", — думал Ваня.

Митя насупился. отодвигаясь чуть-чуть от стола. Ему хотелось слышать проникновенный голос Кристины, напоминающий звук соприкасающихся друг об друга жемчужин. Вчера его подруга получила письмо из Краснодара, от своей крёстной, в котором та сообщала, что Кристина — единственная её наследница и вся собственность сестры матери и крёстной по смерти, минуя всяческие препоны, перейдёт в руки девушки. Сумма наследства была внушительной — 3 миллиона рублей. Женщина была смертельно больна и ожидала своей кончины со дня на день.

Гоблин, взяв за руку Жанну, подвёл её к полке с книгами. Несколько сот томов великих писателей нисколько не привлекли внимания девушки: она нервно зевнула и отёрнула платье на талии.

— Среди этих книг есть одна-единственная, способная зажечь огнём любую плоть, — вкусно произнёс босс биржевиков и вынул пухлый том в прекрасно выполненной обложке.

— И что это за книга? — из стороны сказала Жанна.

— Это Камасутра, детка.

Девушка хихикнула. Гоблин выключил тяжёлую музыку. Сняв пиджак и рубашку, он ещё раз отхлебнул вина из полупустого бокала, а затем, достав из кармана брюк несколько таблеток, взял две и вернулся к девушке. Они проглотили по таблетке амфитамина, уселись на диван, над которым висел сейф, и принялись листать знаменитый учебник о сексе.

— Какая твоя любимая поза, Жанночка?

— Раком, Виктор Васильевич.

— А что так?

Девушка улыбнулась ослепительно белозубой улыбкой. Она ничего не знала о плотской любви, ибо секс у неё был один раз и то — по принуждению. Об этом знала вся биржа. Это и захватило воображение Гоблина: ему ужасно надоели опытные любовницы, а ведь так хотелось молоденькой смущённой особы, которую он сможет очаровать своими знаниями в этой сладострастной науке.

— Мне нравится, как это делают маленькие смешные собачки. Ох, этот беззаботный животный секс! Я всегда мечтала принять в себя бешеного самца, позабывшего обо всём на свете, способного дать мне испытать что-то невероятное, — слегка истерично сказала Жанна.

Гоблин стал снимать с неё юбку, нетерпеливо расстёгивая молнию и направляя джинсовую ткань на себя. С чулками и трусиками возни было меньше. Небритый лобок Жанны молниеносно приподнял в нём все рычаги, так, что с его брюками девушке пришлось повозиться. Труссы с рыбками вызвали у Жанны умиление.

— Ну, прям домашний мальчик! — хлопнув ладонью об колено, сказал громко Виталик. Ему не терпелось увидеть босса в действии.

Гоблин, оставшись без трусов, победоносно поигрывал возбуждённым членом. Жанна, не ожидая приглашения, овладела ртом орудие любовника. Не умея делать оральные ласки, она, тем временем, сумела создать своему мужчине достаточно стойкое удовольствие: лицо Гоблина стало пунцовым.

— Пошёл процесс! — словно присутствуя на футбольном матче орал Виталик.

— Ещё не то увидим, — добавил Ваня.

Жанна увлечённо играла язычком со всем содержимым головки, слегка покусывая, глядя пальцем, показывая определённый талант. Небольшой размер члена её не смутил — у первого её соблазнителя орган был ещё меньше. В тот первый раз её попросту использовали во время студенческой вечеринки. Она была так пьяна, что помнила только — как этот маленький отросток порвал всё внутри неё, делая боль ужасно неожиданной. Теперь, веря на слово подругам более сведущим в амурных делах, Жанна уверяла себя, что боли не будет, а возникнет нескончаемое удовольствие от удовлетворения.

Гоблин остановил её оральные ласки. Положив её на живот и чуть раздвинув её ноги, он принялся ласкать пальцами окраину лона. Его удивило то, что девушка была суха.

— Тебе приятно то, что я делаю? — спросил полусухим ртом Гоблин.

— Да, конечно, — прошептала девушка. — Вспомни мою любимую позу...

Гоблин двумя пальцами вошёл вглубь влагища, отмечая тесноту её устройства. Девушка нуждалась в раскрепощении, в умелых действиях мужчины, от которого она ждала море ласк. Язык Гоблина скользнул по средоточию женской плоти Жанны. На массаж клитора она отозвалась протяжным стоном.

Поставив Жанну в нужную позу, босс так сильно вошёл, что девушка прикусила губу. Кровь попала в рот, что опьяняюще подействовало на девушку. Боль на губах и боль в промежности. Подруги её обманули: секс так же болезнен, как и сама жизнь. Каждое движение Виктора Васильевича будоражило мышцы и суставы девушки, напрочь отменяя всякое удовольствие.

Гоблин где-то на периферии внимания отметил, что девушка всё также суха внутри, как и в начале ласк. Он мог прервать сам акт, но мужское достоинство твердило: "ИДИ ДС

КОНЦА, ПРОЯВИ ВСЮ СИЛУ ВОЛИ, ПОДАРИ ЖАННЕ НАСТОЯЩЕЕ ТАИНС' ЛЮБВИ".

— Мне больно, — вполголоса проговорила Жанна.

Гоблин то ли не услышал, то ли не обратил на это внимание. Толчок, пауза, толчок. Эти движения были совершаемы в истории Земли бесчисленное число раз. Рождались дети, умирали старики, в эти движения не прекращались ни на секунду.

— Господи, да прекрати же ты, наконец! — закричала Жанна и её колени разогнулись. В этот момент Гоблин достиг пика удовольствия внутри себя. Сперма хлынула на ягодицы девушки. Жанна заплакала.

Ваня выключил камеру и снова закурил. Заглянул Фёдор.

— Ну, вы всё? — смущаясь, спросил он. Виталик откашлялся, подавившись дымом.

— Да, — сказал он. — Пошли, мужики.

Они вышли и Фёдор закрыл дверь гардеробной на навесной замок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 9

Выходя из фойе биржи, Митя почувствовал металлический осадок во рту. Достав расчёску, он прошёлся по волосам, размышляя о том, какой он всё-таки закомплексованный человек, если глумление босса над подчинённой вызвало некоторое впечатление, что это он, Митя, никогда не замышлявший причинить боль женщине, виновен во всех смертных грехах.

Уже сидя в своей машине, Митя долго о чём-то думал, глядя на фотографию Кристины. Её таинственная улыбка рождала принадлежность к непознаваемости характера девушки, и глубокие морщины, опутавшие верх лица Мити, должны предоставить нам отличный отсыл к потаённому содержимому внутреннего мира молодого человека.

Проехав километр-два, уставший влюблённый потерял ощущение времени. В мыслях, слайд потоком — Кристина, с обнажённой спиной, озарённая безумно великолепным закатом солнца сменялась одетой в рыбацкую сетку Жанной, файл с которой тяжелел звуковым минором. Постоянно отрываясь от руля, Митя тёр виски, вытирал платком уставшие глаза и включал/выключал магнитола, словно это приносило хоть какое-то утешение.

У первого светофора он потерял педаль тормоза, покрываясь холодным потом. Катастрофически несуразная нервозность грозила неприятностями. Однажды такое случилось в беззаботном детстве, когда он сильно порезал большой палец об жестяную банку, которая когда-то хранила тушёное мясо убитого животного, а сейчас несла угрозу смерти десятилетнему мальчугану, до потери чувств боявшемуся вида крови. Пока перепуганная бабушка обрабатывала рану пореза, Митя был в беспамятстве. Придя в себя, он почувствовал, словно кто-то вытянул из него все страхи и сомнения, терзавшие мальчика после ссоры с родителями. Такое происходит, когда перешагивают через глубокую, но неширокую пропасть, не делая из этого подвига, но используя шанс самоутвердиться.

Вздрагнув, Митя притормозил, едва не наехав на пешехода — девочку-подростка в инвалидной коляске, испуганно посмотревшей на него и едва не показавшей средний палец. Несколько иностранцев заинтересованно взирали на это действие, а один из них раз-другой щёлкнул фотоаппаратом, облизывая жаркие губы.

За перекрёстком, у новоотстроенной церкви с недоделанной колокольней, Митин "фольксваген" остановил наряд ДПС. Худой, но жилистый младший сержант козырнул, представился и попросил документы. Митя, впад в некоторое подобие транса, поспешно

закрыл боковое стекло и устался в экран телефона. Он слышал, как взбешённый полицейский, стуча костяшками пальцев в стекло, вполголоса кричал: "Сука, открой. Слышь, не дури, давай поговорим, разберёмся", и от всего этого на Митю напал зверский хохот, закончившийся резыю в животе.

Подошёл суровый капитан, кавказец самых мудрых лет, показал Мите кулак и что-то сказал жилистому сержанту, отчего тот повесил на своё лицо идиотскую улыбку.

Накрыв всю машину упрямого водителя толстенным брезентом, оба стража порядка закурили как паровозы, смачно матерясь и отплёвывая звучные харчки, мало обращая внимания на недовольные взгляды прохожих. Один из мальчиков, ткнув в сторону капитана малоразвитым мизинцем, закричал: "Мама, смотри: дядя-верблюд! Я об этом расскажу папе", и побежал, смешно виляя задом, пока не упал, споткнувшись об деревянный брус, брошенный невнимательным рабочим, очевидно, из среднежарких стран. Мальчик, обмазывая слюной разбитую коленку, по-овечи заплакал. Мать, бросив сумку и нераскрытое эскимо, принялась успокаивать своё любимое чадо, обещая гору подарков.

— Женщина, зря вы его успокаиваете, — хрипло начал кавказец-капитан, бросая окурки в лужу. — Его бить надо, а не задаривать погремушками!

Мать, зло взглянув в его сторону, хотела что-то сказать, но промолчала.

— У нас на Кавказе, за грубые слова в адрес уважаемого человека задницу очень долго отучивают сидеть. — Капитан ещё добавил, что избалованный ребёнок — наказание для родителей.

Женщина, приподнимая сына с тротуарной брусчатки, ненавистно бросила:

— Вот и езжайте в свои горы, а наших детей не трогайте!

Младший сержант дернул напарника за рукав формы, призывая проявить умеренную сдержанность и сохранить доброе лицо правоохранителя. Капитан так дал рукой по задку машины ДПС, что слепой старик, идущий с собакой-поводырьём, забрёл в широкую лужу, проклиная еврея-отца и румынку-мать, зачавших его в внебрачном блюде.

Из "фольксвагена" пошёл настойчивый стук. Сняв брезент, полицейские ждали, когда Митя трясущимися руками откроет дверцу и вылезет для разбирательства.

— Я отвратительно себя чувствую, — слова Мити путались как следы испуганного зайца. — Но готов всё объяснить. Дело в том...

Капитан достал наручники.

— Мы с трусами не разговариваем. Давай живее руки, в отделе разберёмся, что ты за фрукт.

На Сорокина, 47, в обветшавшем здании УВД, в прокуренном кабинете № 3 Митя ждала та самая девочка-инвалид, несостоявшийся наезд на которую отправил его в эти мрачные стены. Протокол составляла измученная ночью с постоянными вызовами на происшествия женщина с красивой фигурой, но плохим лицом, на котором, к тому же, отразились отпечатки тяжёлой семейной жизни.

— Вартан, может у этого гражданина горе какое? Он же трезв, хотя и мало что соображает, — обратилась к капитану хозяйка кабинета, откладывая заполненный протокол в сторону.

— У всех горе: то жена не дала, то младший спиногрыз бросил учиться... Ты, Света Световна, не дави на жалость — видел я таких горемычных и хорошо помню, как один из этих самых ломал мне нос только за то, что я остановил его за превышение скорости до 120, в то время, как он спешил отпраздновать кончину тёщи...

Светлана устало глянула на Митю, словно тот был приговорён к высшей мере наказания. Окончив школу милиции с отличием, она мало научилась понимать смысл действий своих сослуживцев. Зная капитана Вартана Срапяна как человека с невыносимым характером, который изрядно потрепал нервы трём его русским жёнам, женщина в который раз убедилась, что рядом с ней много случайных людей.

— Запереть его дня на три и пускай подумает, как трепать нервы сотрудникам полиции, — подвёл итог капитан.

— Ладно, будь по твоему. Но не проси меня, чтобы я помогала тебе в этом деле. У меня своих проблем хватает.

Срапян заспешил в прокуратуру за орденом об аресте. Мысленно он видел себя обладателем кругленькой суммы на счету банковской карты, полученной от родственников этого Мити, чья фамилия упорно не желала сохраняться в памяти Вартана. Зато, как *idea-fix*, мечталось о достроенном доме и отправленной на лечение в Армению матери.

В камере удушливо едко пахло мёртвыми тараканами. На лавке, у исписанной неизвестными чернилами стене, сидели двое человек, замолчавших при виде входящего. Один из них был внушительной комплекции и на целую голову превосходил сидящего справа.

— Кто таков? — громогласно рявкнул здоровяк, снимая кепку с гербом СССР на козырьке.

Митя назвался.

— Срапян подсуетился? Он может.

Здоровяк сказал, что лучше его называть по отчеству — Гаврилыч, и пожал руку Мите. Про соседа своего поведал, что зовут того "еврей Рабинович", и что "он скуп не от добра, а от обиды". Сам Рабинович голоса не подавал, чистя ногти тонким прутиком от веника.

— Слушай, Митяй, мы тут с коллегой размышляем о сущности женщины. Я считаю, что за каждой бабой нужен серьёзный круглосуточный надзор, а Рабинович, как и вчера за столом в ресторане, утверждает обратное: что баба — она и не баба, которая зависит от мужа, а женщина — со своими претензиями на осуществление мечты. Но какая у неё может быть мечта, как если только не видеть пьяным мужа и нарожать детей, чтобы было кому стакан воды к одру подать? Ты что думаешь?

Митя сел на лавку, скрестив вытянутые ноги. Болел затылок как отголосок рукоприкладства капитана. О чём говорит этот Гаврилыч? О бабах-женщинах, о мечте, об одре. Куда ему с больной головой забираться в такие дебри.

— Гаврилыч, у меня есть подруга, её зовут Кристина. Я не знаю, какая она баба, но одно утверждать могу: без такой женщины я не вижу своего существования. Твой Рабинович стопроцентно прав на счёт мечты: без мечты женщина пуста и безвольна; если бы твой знакомый мент не отбил часть моего сознания, я бы много чего мог сказать на эту тему. Просто, работа на бирже приучает человека видеть жизнь насквозь.

В камере потемнело от нашедшей тучки.

— Биржа, — в улыбке обнажил плохие зубы Рабинович. — На ней я прожил лучшие пятнадцать лет. Такие суммы всевозможных валют не сможет осилить не один человеческий разум по отдельности, и только команда способна двигать горы как ей захочется.

Гаврилыч как озабоченный состоянием пациента врач взглянул на еврея. Вчера они отмечали 50-летие Рабиновича, одаривая его комплиментами за нерастраченное здоровье и цветущий оптимизм. Юбиляр мало пил, но много говорил, однако, речи о бирже не велось.

Тема денег мало интересовала Гаврилыча — он предпочитал трепаться о любви, ведь эта тема была неисчерпаемой.

— Послушайте меня. Однажды, в своё 25-летие я, увеселённый бутылкой коньяка в кругу друзей, встретился на улице с одной бабёнкой, дышащей на ладан от голода и бог весть ещё чего. Она была худа; нет, она была тоща как вот этот мой мизинец. Попросила мелочь, я рассмеялся и сдуру ляпнул ей: а как насчёт натуры. Деваха, уже почувствовавшая щедрое вознаграждение за своё костлявое тело, не думая, согласилась. Я, дурак, потащил её в пустыри, бросил сумку с продуктами, пахнущую настоящей колбасой, сыром и бужениной высшего сорта. Пока раздевал ту деваху, я кончил. Такое бешенство напало на меня, прямо как бес вселился. Я хожу с места на место, а она смотрит на сумку, давится слюной и молчит. Достаяю я продукты, даю ей. Верите, братцы: более благодарственного взгляда я в жизни не видал. Да, Рабинович, команда может двигать горы, но и человек, в минуты душевной восторженности, тоже способен на такое. Ради сытого взгляда той девицы я сумел бы пойти в любое пекло, во всякое ненастье.

Рабинович убрал чёлку со лба и сказал:

— Но ведь ты её едва не трахнул...

Гаврилыч вздохнул:

— Кто без греха... Сразу, как увидел её, возникла напасть удовлетворить своё желание: в каждой ущербности я находил нечто возвышенное, неземное. Бодлер, он тоже... Молод я тогда был, мало чего в жизни видел: работа геологом в бесконечных экспедициях, неподъёмная писанина в казематах института... Выпил... как кровь после этого не выиграет... Сейчас радуюсь, что ничего не состоялось — не взял лишнего в душу... После, несколько раз видел я эту девчонку — она шла с кавалером под ручку, вела интимный разговор, но когда заметила меня — опустила голову, сжала губы, как бы извиняясь за прошлое...

Митя поднял взгляд в потолок и увидел пятна плесени на древней побелке.

— Как её звали? — спросил он с умиротворением в голосе.

Гаврилыч пожал плечами:

— Имени я её тогда не узнал... Жаль, теперь было бы за кого шепнуть Богу...

Глава 10 Оглушительно-продолжительный звонок телефона разбудил Кристину. В взмокшей от дурной ночи ночнушке девушка растерянно добралась до прихожей. Голос звонившего был туманно знаком: это был Гоблин.

— Доброе утро, Кристина. Хотя какое оно доброе, если наступила в жизни исконно русская полоса тревог и печалей. Вы можете упрекать меня в бездействии в огорчительной ситуации, в какой оказался ваш гражданский муж, но, смею заверить, я рыл как крот, чтобы вам помочь.

— И во что вылились ваши усилия, Виктор... Васильевич? — Прострация Кристинь начала проходить.

— Через два часа Митя будет в ваших объятиях. Вы можете сделать красивую причёску, подготовить некоторые другие приятные сюрпризы... Я был предельно настойчив в работе со следственными органами, что и принесло ожидаемые результаты.

— Вы дали им взятку?

— Да какая вам разница, как я обхлопотал это щекотливое дельце, главное — результат, а не способ ведения войны. Это мой презент, которым я желаю возместить некоторый урон...

Сознание Кристины уловило нотки двусмысленности в голосе Гоблина: с одной стороны — он приносит радостную весть, а с другой — рушит добрую почву этой вести мерзкой игрой во врага-шарлатана, когда замысловатое лечение приносит облегчение, а затем убивает.

— О чём вы...? — Кристина чуть было не добавила нелицеприятную кличку Виктора Васильевича, ходившую в народе как этикетка просроченного продукта.

Гоблин выдержал многозначительную паузу, а затем выложил всё по существу.

— Акционеры нашей биржи решили заменить состав рабочего персонала. Я долго боролся за своих друзей, но люди, решающие куда и как плыть кораблю, не прислушались к моему гласу в пустыне. Яблочко признали гнилым и захотелось яркого и сочного плода с другого дерева. Поэтому, я вынужден сообщить, что Митя, увы, уже сейчас не числится в штате биржи.

Кристина железной хваткой вцепилась в трубку телефона, отчаянно сопротивляясь набегавшим симптомам болезненной истерии. В стране, где наличие работы давало стимул заводить семьи и рожать детей, потеря возможности гасить кредит больно ударяла по всем средоточиям жизнестойкости.

— Но ведь это преступление! — жалобно пролепетала девушка, шмыгая носом.

— Увы и ах! У меня также возникли ощутимые проблемы: я подвергся шантажу с помощью пикантных материалов, в которых я якобы фигурирую. Я — семейный человек и дед четырёх внуков, но кого это интересует в наше зыбкое время. Так что, не одному Мите подрезали крылья. Держитесь, дорогая моя, всё исправимо, тем более, вы молоды и здоровы.

Кристина устала от мрачной основы этого разговора.

— У меня нет слов, — подвела она свой итог.

— Читайте больше книг и слова у вас обязательно появятся. Удачи! — Малопрятный фантом Гоблина ушёл в беззвучие.

"Не место ли мне в монастыре, где борьба за место под солнцем сводится к нулю, где хоть какая-то закономерность и постоянство?" — размышляла Кристина. Но она была слишком индивидуализированной личностью, не способной вести жизнь в тесной общине. Молебны, возведённые в цикл, когда служительница Всмогущего Творца пребывает в круговороте церковного года — это чрезвычайно трудное испытание для такой "белой вороны" как Кристина. Отец девушки, падая с неудобных костылей, всегда ей говорил: "Не важно, где ты нашёл себе приют — в шикарном бунгало на берегу моря или в лачуге в паре шагов от общественной бани, самым главным правилом в твоей жизни должно быть: если упал — сделай всё чтобы подняться, но если не осталось уже сил исправить нелепую досадность — вспомни свой самый счастливый день — и помощь непременно придёт".

Четыре дня девушка не виделась с Митей. Да, она прекрасно осознаёт, что в ИВС ему сейчас не сладко, но всякая трудность в жизни — опыт, человек учится на своих ошибках. Основная часть женщин избегает строить отношения с мужчинами, хлебнувшими тюремного лиха, ведь, что греха таить — озлобленные неволей лица сильного пола вымещают гнёт пустоты, набранной в атмосфере насилия, на невинных подругах, превращая их жизнь в ад. Кристина не боялась, что внутренний стержень Мити дрогнет и она получит другого Дмитрия Пурина — такого, которого она ещё не знала. Нет, она верила что плохого не случится.

Пройдя на кухню, Кристина налила в широкую кружку с улыбающимся Микки-Маусом тёплого молока, купленного вчера у приятной полноты белокурой женщины, с которой они

проговорили битый час. Воодушевившись вниманием Кристины, разговорчивая молочница обрисовала ей весь быт от А до Я современной российской деревни. Если и дальше будет продолжаться отток рабочей силы из провинции, говорила взахлёб женщина, называвшая себя Марусей, то случится непоправимое — канет в Лету здоровая, пахнущая молоком и ягодами Россия, давшая миру великих гениев, но подхватившая опасную болезнь — бездушие.

Чем будет заниматься Митя? Девушка видела один выход — помочь своему гражданскому мужу написать книгу с особым виденьем сексуальных проблем общества. Рынок интимной литературы в переизбытке, но он забит халтурой, обывальщиной и склонностью к мазохизму и гомосексуальности. Современный человек нуждается в духовном росте и Кристина это знала из общения с подругами и теми потоками информации, что низвергает вулкан Всемирной паутины. Ещё будучи девочкой, она терялась понять: чего хочет её взрослеющее тело, набухающее страстью, истомой и предчувствием тех огромных преимуществ женщины над девочкой, которые даёт способность к деторождению.

"Боже, как же хочется ласки" — будто сам тяжёлый воздух макушки лета родил эти напряжённые мысли в мозгу Кристины. Она поставила бутылку с молоком в холодильник и пошла в комнату, где когда-то одинокий Митя мечтал о своей второй половинке и где она, разлучённая с ним, сейчас забудется сном, переходящем в бессонную ночь. Вчера у неё прошла менструация и тело было ослаблено чисто женской процедурой. Мечта о беременности пока не сбылась.

Упав на кровать, Кристина замерла в позе зародыша. Она давно не была на кладбище и это её полностью опустошило. В монастыре она была бы самой тихой монахиней. Седые монастырские стены, как в них жить без страсти, без ожиданий того, как тугой мужской орган войдёт внутрь тебя, родит там шторм и стихийное волнение, давая больше знаний чем уши, глаза или нос? Если Бог против человеческих страстей, зачем же он сделал таким чувствительным человеческое тело?

В каком-то сомнамбулическом полусне Кристина расстегнула лифчик и стянула чёрные кружевные трусики. Сердце забилося сильнее. Она так отчётливо представила перед собой мужественное обнажённое тело Мити, что невольно раздвинула ноги и поднесла правую влажную руку к своему лону. Целых четыре дня она мучается в этом одиночестве, заставляющем её прибегать к самоудовлетворению! Но ведь это не самое страшное, что даёт женщине жизнь. Нет, она не может погасить в себе огонь желания — нет таких сил, способных чем-то это заменить.

Когда горячий палец проник в пространство влагалища, Кристина вскрикнула. Как там жарко и тесно! Сделав круг по всем сторонам вульвы, а потом ещё и ещё раз, девушка едва не задохнулась от переизбытка чувств. Как сладострастно учил её первый муж, Митт Рэвед, увёзший её в родной Ванкувер, "не торопись получить всё и сразу; если хочешь получить новые порции удовольствия — дай своему телу шанс говорить само за себя". Митт, рыжий оторви-голова, такой расист, каких поискать ещё надо, открыл ей глаза на тело — как на фабрику удовольствий, но когда канадец, презиравший всех цветных, подсел на наркотики, Кристина обрубилась все связи с ним.

Пощипывая один из сосков, девушка вспомнила, как впервые осознала величие материнского тела, когда большие, без загара груди матери, на которые Кристина любила в вечерние часы положить свою юную кучерявую головку, колыхнулись от движения

родительницы, девочка ощутила веяние счастья своей принадлежностью к женскому полу. Сейчас, в мгновения нахлынувших неудовлетворённых желаний, Кристина чувствовала, как от одного прикосновения к возбуждённым участкам плоти набегает мощные, сбивающие всякие препоны волны "порхающих бабочек", дающих радость успокоения.

Приподнимая грудь, Кристина ощутила приятную тяжесть. Если у неё будет девочка, она передаст ей эту тяжесть, пусть сходят с ума от воображения обладать этим богатством. Все мужчины любят единолично распоряжаться и своим, и как-бы принадлежащим им предметам красоты. Митя проявил бы бесшабашное бунтарство, когда увидел эту долгую вечернюю мастурбацию и вряд ли был способен понять причины, подстегнувшие её делать.

Умопомрачительные ласки клитора вознесли девушку на седьмое небо: родилась таинственная энергия, овладевшая всем её телом и отключившая основную аналитику мозга. Женщина, убившая в себе все страсти, отвергнувшая своё естество, о, лучше бы она не рождалась! Кристина возвела следующую мысль в догму: "Всякая страсть, скрытая от глаз людских, оправдана и защищена самой жизнью". Прости меня, Митя, но желания моего молодого тела сильнее ожидания!

Кристина сладко застонала, вытягиваясь во всю длину. Кровать отозвалась эхом на её движения. "Боже, ну почему я не могла дождаться возвращения Мити?!" — вдруг возмутилась девушка на саму себя. — "Я слишком порочная, сладострастная самка, готовая отдаться любой слабости... Хотя, душой меня вряд ли возможно назвать".

В дверь позвонили с тем нетерпением, на которое способен человек, хлебнувший всю горечь разлуки. Кристина оделась, улыбнулась в зеркало и понеслась на встречу возлюбленному. Теперь они снова вместе. "Скучал ли он?"

Глава 11

"Нью-Йорк, от которого желтеет в глазах и появляется сыпь под мышками — таким ты останешься для меня к старым годам?" — думал Митя, поднимаясь на эскалаторе в роскошном супермаркете, попивая сок через трубочку как в детстве, пуская в пакет воздух. "И всё таки жизнь хороша, если после русской тюрьмы судьба посылает тебе Город Миллиардеров!"

Кристину он встретил у продавщика кока-колы. Они стали звонить литературному агенту Гордону Саксу из телефонного автомата (сим-карты на мобильники они ещё не приобрели), но тот к трубке не подошёл, по-видимому. в очередной раз страдая от запора.

Выходя из торговой точки, наша пара попала под проливной дождь. Соприкасаясь с мокрым лифчиком, соски Кристины щекотали напряжённые нервы, делая девушку пугливой при любом шорохе. Музыка в такси ей понравилась — рэп звучал проникновенно, лихорадил брови и кончик носа — и она пожелала купить себе двух долларовый диск этой молодёжной группы QS-57, найдя лавку с CD-дисками.

Сакс позвонил к обеду, когда они кушали пасту, обильно приправленную острым и сладким перцем. Голос агента был подавлен. Митя ощущал что-то вроде безразличия к этому человеку.

— Привет, Митя! Как дела?

— Да вроде с утра было как у ангела: всё по мелочам, но полный порядок.

— Ну, я рад за тебя. А я два дня мучаюсь, въев вагон шоколадок и распухнув как рождественская утка. Старею, друг. — Русский Гордона был безупречен, а вот что касается рук — в этом Митя сомневался. Здороваться с бедным американцем он не стал бы даже за миллион. Много было в жизни случаев, когда безразличность затмевала разум. Уж не

аристократическая ли кровь жила в нём?

Сакс почавкал и вздохнул как обиженный ребёнок.

— Митя, ты готов взяться за книгу?

— Ну...

Американец выругался нечленораздельно.

— Русский, ты забываешь, что где дело пахнет деньгами, так не должно быть ни каких "ну"! Ты не в своём Саратове...

— Иди ты к чёрту.

— Боже, хорошо, начнём с другой стороны. Ты настроен на долгую и кропотливую работёнку? Я уже подумываю, что ты приехал в Нью-Йорк, чтобы подзаработать на своей бабе...

— Сакс, следи за языком. Я не торгую ни чем, что имеет ко мне отношение. Ни чем, кроме своего таланта.

— О, конечно, будь проклят мой техасский язык! Но ведь есть сроки, обязанности, в конце концов, мужская ответственность за свои слова. Ты обещал книгу к декабрю, а сейчас уже начало сентября. Ты — Набоков, ты — Достоевский, что-ли, раз так полагаешься на свой талант? Митя, ты должен работать как лесоруб, ты должен вить гнездо своих сюжетов и вытирать пот рукавом после бессонной ночи. Ты можешь назвать мне название своего романа?

— Подожди недельку, будет.

Сакс оборвал связь и просеменил рыхлой походкой в туалет. От этих нечистоплотных людей одни запоры.

Кристина заставила обеденный стол салатами, пестрящими всевозможным разнообразием. Помолчав, Митя сказал:

— Агент требует книгу.

— Уже? Что-то рано.

— Требует название...

Кристина нервно рассмеялась.

— Не течёт вода под лежащий камень!

Митя ударил кулаком об стол. Девушка выбежала из кухни и зарыдала из спальни.

— Кристи, прости, — громко сказал Митя. — Это просто от перемены места. Я буду писать, буду марать бумагу, будь она не ладна. Только бы придумать название...

Кристина вернулась и села за стол.

— Придумай. — тихо произнесла она.

Она ощутила зверский аппетит. Тщательно пережёвывая свежие овощи, Кристина не хотела ни о чём думать. Дела мужа — в конце концов его дела, а не её. Её дело — рожать детей и согревать очаг. Эмансипацией она никогда не страдала.

Вечером гремел салют с крыши соседнего дома. Толпа обезумевших от алкоголя людей металась вокруг вертолёта, махала флагами своей корпорации и вызвала у Мити, притаившегося в глубинах кресла, в тихой комнатке, некоторое возбуждение.

— Страсть... — пробурчал он вполголоса, не отрываясь от визжащей толпы. — Страсть, от которой текут мозги, заклинивает сосуды и лопается сердце. Только подслушанная страсть обладает этим. Так и запишем — "Подслушанная страсть", — и Митя поиграл клавишами ноутбука, отчего на экране появились искомые слова. — Ну, дружище Сакс, желаю тебе от всей души просратся! — Закрыв ноутбук, он прилёг на диван. И уснул сном

младенца, вкушающего свой палец.

Проснулся Митя от тревожного звука включившегося телевизора. Довольная физиономия Дональда Трампа исторгала во вне дольки апельсинового самодовольства. Митя вдруг осознал, что многое потерял, не занявшись бизнесом в благоприятные времена. Деньги — это второе солнце, а самый лучший минет — как раз от второго, хотя без первого фактически невозможен этот грёбаный оральный секс, на котором съехало полмира землян.

Уйдя в душ, Митя обозвал себя ничемным сукиным сыном и только теперь прислушался к странной тишине ихнего с Кристиной уютного гнёздышка. В чём мать родила он вышел из ванной и обошёл все три комнаты. Любимой ни где не было. Пустота, разрывающая грудную клетку пополам. И возбуждение в чреслах. Ему словно перекрыли кислород. Ну, женуля, ещё пожалеешь, что так круто обошлась с ним с утра. Митя почувствовал, что ему словно сдавили яйца холодными тисками.

Странно, но он вернулся в душ, включил горячую воду и намылив до неприличия всё тело, словно был беззубый младенец, любимец старой няни, стал с остервенением тереть всё тело жёсткой губкой, злясь на весь мир. Орган его набух до красноты, и стиснув зубы, Митя принялся с подростковым азартом заниматься странным для женатого человека делом с тем, что зовётся срамным удом толстобрюхими попами. "Ох, им виднее, где срам и где норма, — поразмыслил Митя и криво по-волчьи усмехнулся, — куда уж нам, грешным".

Вытеревшись, он нагим вошёл в ту комнату, где спал, и выключил дурацкий телевизор. Митя чувствовал полное опустошение. Пришла запоздалая мысль позвонить в нью-йоркскую полицию и сообщить об исчезновении жены. Руки тряслись, ноги его подгибались (упало артериальное давление) и он едва не упал на туалетный столик Кристины, набирая нужные цифры на телефоне.

— Я вынужден сообщить 911, что у меня исчезла жена.

— Сэр, мы вам сочувствуем. — ответил молодой мужской голос с чувственными нотками.

— Вы уверены, что она действительно пропала? Может быть, у неё появился любовник.

— С чего вы взяли? — задумчиво спросил Митя, почёсывая родинку под носом. — Я ещё хорош в постели и моей супруге не нужен кто-то на стороне.

На другой стороне связи по-детски усмехнулись.

— У вас восточно-европейский акцент. Белым женщинам иногда интересно завести интрижку-другую с чёрным или латиносом. Вы об этом не задумывались?

Митя зло буркнул:

— Мне говорили, что в Штатах я могу быть спокоен за здоровье жены и детей. Её украли, убили, изнасиловали, но она не может в эти минуты кувыряться в постели с каким-нибудь негром. Это ужасно неправдоподобно.

911 обещали вызвать пару полицейских, чтобы на месте разобраться в этой щекотливой ситуации. Обещанного три года ждут, но Митя готов был ждать всю жизнь. Он ушёл на кухню и выпил стакан молока. Каким-то периферийным зрением он заметил клочок бумаги на полу. Подняв его, он прочитал следующее: "Я у Сакса. Если ты не готов отодрать свою волосатую задницу от дивана, это сделаю я. Твоя Кристина".

Полисмены щедро вытерли ноги в холле, основательно оглядев всё вокруг. Их внимание привлёк портрет принца Чрльза Уэльского на лошади в яблоках, перемахивающей через обрыв, довольно глубоких, чтобы свернуть шею и животному, смелому, и человеку, храброму и азартному до дрожи в ногах зрителей этого загадочного зрелища.

— Здравствуй, Митяй. Не узнал не бойсь?

Митя вытер руки об фартук и белёсые пятна муки закрыли собой оба глаза красного зайца.

— Нет. Мы знакомы?

Полицейский с плебейской усмешкой поднял гордо голову, стриженную под ноль. Он гордился, что носит полицейский значок, решил Митя.

— Антон Дерябин. На бирже вместе трудились, пока дьявол Гоблин не дал мне под зад. С твоей помощью, глубокоуважаемый наш муженёк, ищущий свою дражайшую супругу. Кстати, вот и она.

В дверь вошла Кристина под руку с Саксом. Гордон был в тёмных очках из черепаховой оправы с золотыми душками. Во рту торчала худая сигара, тлеющая и отвратительная на запах. От этого дыма оба полисмена содрогнулись, хотя и были терпимы и не к таким эксцессам. На Митю эта вонь воздействовала усыпляюще, да так, что хотелось беспробудно спать до самого Рождества.

— Сакс, выбросьте вашу сигару в помойное ведро, — попросил полицейский Дерябин. Он ясно ощутил запах мочи во рту и его чуть не вырвало.

Митя провёл гостей в комнату с аквариумом и книжными стеллажами, полными портретов родственников и знаменитостей.

— Где тебя черти носили, дорогая? — сдавленно, с риторической интонацией спросил издёргавшийся муж. Митя смотрел на Кристину с виноватым взглядом изменившего супруга. — Я...

Антон Дерябин оборвал его металлическим голосом судьи, выносящего смертельный приговор.

— Мы опустим все ваши семейные разговоры. Для чего мы, я здесь? Чтобы услышать из первых уст, как твои дела, Митя.

— Но почему я должен что-то говорить?

— Ты был в русской тюрьме и за тобой нужен надзор. Нашей стране не нужен очередной гастролёр, готовый откусить жирный кусок нашего американского пирога. Чем ты занимаешься в США?

Митя сонно плотнул обильную слюню и снова вытер теперь вспотевшие, но чистые руки. Они все сидели на креслах и диване, перебрасываясь взглядами друг на друга а как ярые соперники.

— Я пишу книгу.

— О чём?

— О сексе.

Дерябин истерически расхохотался.

— Молодец. Хвалю. Но знай: я первый узнаю, когда ты вдруг переступишь черту закона. Я буду следить за каждым твоим передвижением, за каждой твоею мыслью.

Полицейские ушли, бросив открытой дверь

Глава 12

— Не понимаю этих господ полицейских: они могли бы сунуть нос даже в дела Создателя! В сопливо-ранимом детстве я выловил восемь рыбёшек в непопуганном детстве — и был доставлен в участок в наручниках, под охраной двух горилл явно нечеловеческого вида, которые всё время плевали, будто всю ночь ели арахис.

Кристина слушала Гордона Сакса вполуха, думая о книге, по словам Мити, начатой три

дня назад. Верила ли она в силы писательского мастерства своего возлюбленного, она не решалась сказать, но раз тот был хорош в ночные часы во время супружеского долга, почему бы ему ловко управляться не только своим пенисом.

— Бакунин говаривал, что полиция — это раковые клетки на теле всякого государства, — запивая пережёванные фасолевые стручки соком зелёных яблок, произнёс Митя, всё время поглядывая на Кристину. Девушка увлечённо что-то рассматривала по верх головы Сакса. Сам литературный агент уже курил зеленоватую сигару, пускал колечки дыма и еле справлялся с отрыжкой.

Сакс поправил волосы и взглянул на часы. Подумав, почему молчит его мобильник, он спросил у Мити:

— С чего желаете начать свою книгу?

— Шедевр начинается со знака восклицания, а заканчивается знаком вопроса.

— Этому вас учит русская литература?

— Нет, сама жизнь.

Сакс рассмеялся, едва не проглотив свою сигару.

— Забудьте о жизни. Что вы знаете о ней? Я осмелюсь показать вам одно любопытнейшее местечко, оно перевернёт ваше представление о мире. Мир состоит из иллюзий и наших домыслов. Закрытые ночные клубы — вот где твориться этот самый мир.

Кристина принесла чай на позолоченном подносе. Чашки рождали удивительно терпкий аромат, по-видимому, подумал Митя, любимая добавила корицы в эти янтарные дымящиеся жерлы. Сакс не любил чаепитий, но уходить вовсе не собирался.

— Что за клуб? — спросила невинно Кристина.

Гордон откашлялся, поправил галстук, съехавший на бок.

— В это место пускают только одиночек. Волков или волчиц, одиноких и жаждущих острых ощущений. Некоторые это сравнивают с падением с небоскрёба: уходя, ты ощущаешь только душу, позабыв о теле.

Митя сверкнул взглядом.

— Любопытно.

— Я рад, — Сакс постучал пальцами по циферблату часов. — Эту вот штуковину мне там и преподнесли в подарок. Удивительно точная вещь.

— Наверное, дорогие? — Кристина вытерла мизинцем краешек губ. Её любимый ореховый торт просто таял во рту. Как вкусно!

— Мой отец никогда на дух не переносил дешёвки. Он мне подарил эти часы в память потери девственности.

Митя и Кристина переглянулись.

— Да, у нас, американцев, любая болтовня к столу, мы любим за мясом и стаканом виски потрепаться о поломанной канализации, дырявых подштанниках соседа и чем вырвало утром всю ночь пившего шерифа.

Далее агент попросил Митю составить ему компанию в прогулке по оранжерее. Лимоны и апельсины, маньчжурский орех первой молодости, а под ним — древнейшего вида папоротники, предки которых ещё не видели человека — всё это впечатлило толпы туристов, и Митю как само собой разумеющееся. Хотя он не был сентиментален, вид божественной красоты действовал на него оптимистически.

— Вы интересуетесь невинностью? — вдруг шепотом на ухо произнёс Гордон, обдав Митю запахом высококачественной жевательной резинки.

Митя ошарашенно оглянулся по сторонам.

— И вы туда же... сказал он.

— Пусть эта тема не для спартанца, но всё же — биржевик, воротила, финансист, человек, знающий все винтики шара земного. Я думал, вам будет интересно узнать, что эта щекотливая тема давно будоражит мой ум. Что можно читать невинностью? Отсутствие первого полового акта или духовная чистота? Может ли не познавшая женское тело мужская особь считаться мужской? Ну как вам такая Сорбонна?

Они вышли из зарослей вишнёвых деревьев и присели на скамейку возле розария. Рабочие срезали роскошные розы, ложили их в специальные стаканчики определённой высоты, выполненные в виде пчелиных сотов. Сакс, положив ногу на ногу, сосредоточенно наблюдал за молодой женщиной в жёлтом комбинезоне, считавшей розы на айпаде.

— Человек — существо самоудовлетворяющееся, но хотя бы иногда ему требуется нечто со стороны, — продолжил Сакс, — что поднимет ему самооценку. Но я считал себя мужчиной с самого рождения, хотя процесс потери девственности потряс мои представления о том, что есть человек. Отец, приведший меня в близлежащий бордель, стал для меня божеством, а вот тело безгрудой негритянки я просто возненавидел, как безумный Адольф — Москву. ****а, вокруг которой вращается весь мир, моё проникновение в её — не это ли самая большая глупость среди людей?

Митя достал мобильник и взглянул на время. Он стал уставать не столько от самого разговора, сколько от напора спеси этого весьма распутного человека.

— Вы атеист, Гордон.

— Я не верю в красоту. Красота не спасёт мир, она его погубит. Человечеству нужны тёмные строгие краски и мысли, всё бросающееся в глаза — от лукавого. Вы помните свой первый половой акт?

— Разумеется.

— Вас это потрясло?

— Меня потрясли суммы, торгующиеся на бирже в первый день мой работы. Деньги более впечатляют, чем секс. Нет первого — нет и второго, а не наоборот.

Сакс постучал об брусчатку каблуком туфли.

— Вы интересный человек, мистер Пурин! Мы сошлись взглядами в этом вопросе, сойдёмся и в других. Меня интересует то, о чём думает русский человек, чего боится, чему радуется, от чего бежит... В 16 я перечитал всего Толстого, кое-что почерпнул у Достоевского, и всё это проросло во мне мощными корнями. Знакомство с вами — ещё одна радость.

Гордона Сакса волновало желание Мити быть откровенным, ведь бизнес строится на предвидении, а потому литературный агент должен знать вселенную души опекаемого писателя. Пусть Митя не до конца открыт, пусть где-то он лукавит, где-то по-циничному брезглив, однако, самое главное — чтобы он оказался именно тем, в кого нужно вкладывать энные суммы долларов.

Сам Сакс пришёл в книжный бизнес после автокатастрофы, когда врачи клиники Св. Фомы в Сакраменто поставили ему безнадежный диагноз: полная обездвиженность. Оставшись один на один с отцовской библиотекой, он буквально ночи напролёт поглощал книги всех возможных жанров, не брезгуя ни чем. Особенно он полюбил эротику. Не имея возможности овладеть женщиной, он перенёс половые желания в свой воображаемый мир, ставший для него раем. Он потерял все зародыши веры в христианского Бога, он присягнул

на верность античной философии, впитывая её своеобразный мёд мудрости и наивности. Через два года он встал на ноги и это был уже другой человек.

У букинистического магазина Бернштейна Митя и Гордон Сакс встретились вновь, и будто бы и не расставались, однако молодой писатель был всё также несколько холоден к своему американскому протезу. Вообще, Мите требовалось изрядное усилие чтобы сблизиться с неординарным человеком.

Они вызвали нью-йоркского такси, но оно не спешило ехать к ним. Прохладный прибрежный ветер лез под одежду и некоторые прохожие поеживались, бросая в сторону недоброжелательные взгляды, полные пустоты. Но Нью-Йорк жил обычной неутомимой жизнью, впитывая в себя сердечные биения людей, свет солнца и дыхание земли, покрытой асфальтом.

— Чтобы жить в городе, нужно отречься от многого, если не от всего, — изрёк Сакс и высморкался некрасиво.

Такси остановилось в полста шагов от них. Шофёр говорил с баварским акцентом, в котором Митя уловил нотки высокомерия и какого-то превосходства над иными.

— Вы знаете клуб "Оранжевый слон"? — спросил у таксиста Гордон Сакс.

— Допустим. Вам туда?

— Везите, — нетерпеливо попросил литературный агент, будто ему хотелось поскорее покинуть это замкнутое пространство автомобиля. Особенно Саксу действовало на нервы наличие распятия в виде кулона на задней стенке водительского сидения. Никакой тебе толерантности, подумал Гордон.

Офисный планктон стремительно передвигался в места своего труда. Среди этих людей были и те, кто знал Митю, но их было ничтожно мало, если сравнивать с Саксом, хотя количество не подразумевает качество. Скажем так, чем грязнее источник, тем более он стремится к чистой воде. Об этом знают не только японцы.

У клуба, на фасаде коего, как и ожидалось, был нарисован оранжевый слон с цветком в хоботе. Это бросалось в глаза, так, что Митя сделал даже памятный фотоснимок.

У Сакса зазвонил мобильник, но он выключил его, даже не взглянув на имя абонента.

— Везде найдут, хоть в ад уйди, — бросил он небрежно, протягивая охраннику пригласительный билет. Охранник взглянул Саксу прямо в упор, пытаясь что-то рассмотреть в его глазах. Непоколебимая сила саксового зрения работника клуба слегка обескуражило.

— Вас ждут. — произнёс секьюрити говорящего чурбана.

В фойе их встретил живой лев. Митя недобро помянул своего спутника, заведшего его в опасное место. Вот если бы здесь была тишина египетской пустыни, вот если бы здесь было ощущение одиночества, которое в последнее время так не хватало Мите.

Их провели по высокой лестнице в полутёмное помещение, пахнущее воском высокого качества. В канделябрах горели синие свечи. Красная ковровая дорожка скрадывала шорох шагов.

Сотня людей, и абсолютная тишина. Мите показалось, что он очутился в ранне-утреннем сновидении, где он играл не последнюю роль.

— Мистер Дмитрий Пурин и мистер Гордон Сакс! — это была едва ли иерихонская труба и голос этот был удивительно красив.

Митя сел в предоставленное место у стола с явствами. Напротив него расположился низенький толстячок в чёрных очках.

— Рад, рад вам. Меня зовут Максимилиан. Можно просто — Макси, это удобнее.

Удобство — приоритет нашего века.

Митя был весь во внимании.

— Начну с главного, — продолжил толстяк, поедая мороженое в вазочке в виде древнерусской ладьи.. — Я, можно это и не скрывать, самый грешный человек — если я вообще этот самый "человек" — на земле.

— Вы — дьявол? — усмехнулся Митя.

Макси подхватил эту усмешку, забавно вздёрнув нос.

— Ну, это как сказать. Что вы могли бы сказать о человеческом существе, если бы узнали, что оно, ради сексуального любопытства, вставляло себе в анус весьма объёмистый плод баклажана?

Митю едва не вырвало. Он почувствовал, как галстук обхватывает его горло, давит на кадык. Боже, это отвратительно, нет, это безобразно!

— Вы говорите... о себе? — сказал Митя.

— Допустим. Мне есть что вам рассказать. Но начнём мы с женщины, ведь именно слабый пол даёт нам большинство ответов на наши сексуальные запросы. — Макси потёр переносицу, чтобы не чихнуть. — Нас рожают любимые женщины, а медленно убивают нелюбимые. Это я понял тогда, когда женился в четвёртый раз.

Но я начал познавать себя в восемь лет. Однажды, проснувшись, я понял, что проспал всю ночь без нижнего белья. Это было откровение, потрясшее меня до корней волос. Я родил своего бога и этот бог был прекрасен.

В девять я увидел, как мои родители занимаются любовью. Это нечто схожее с балетом. Балет и половой акт — два сына одной матери. А моя мать, с бледными сосками, с тёмным низом живота — она стала искушением, бороться с которым было выше моих сил. На следующий день я закрылся в подвале со своей 5-летней сестрой и ощупал свою малышку Китти с ног до головы.

Накануне десятилетия я разбил соседское окно рад любопытства, что они могут противопоставить сталепрокатному магнату Френсису О'Коннору и его сыну Максимилиану. Они безмолвствовали, как вообще безмолвствует народное быдло. Маленький Макси торжествовал!

В тринадцать я потерял невинность на старой заброшенной мельнице своего прапрапрадеда. Я вставил в задний проход бедненькой Мэгги и кончил как из пушки. Мэгги едва не умерла от стыда, но мне было на это наплевать.

Через год я убил кошку, что принесла с улицы рано повзрослевшая, но оставшаяся дурой сестра Китти. Я вытащил из кошки все внутренности и развесил их на заиндеветых деревьях. Вы слушаете меня?

Митя кивнул.

— Во всех этих делах я наслаждался не результатом, а самим процессом. Я глотал самоудовлетворение, питаюсь импульсами, исходящими от Китти, Мэгги, мучившейся кошки. Это схоже с электричеством, что питает всё человечество. Без этих происшествий, без этих удовольствий не было бы меня.

В восемнадцать я впервые услышал голоса. Они называли меня величайшим из всех ныне живущих и внушали, что весь мир крутится вокруг меня: мои ссоры вызывали войны, мои изнасилования оборачивались тайфунами и землетрясениями, и прочее, и прочее. Я едва не свихнулся от всего этого!

Как то вечером я стащил с кухни большой баклажан и уйдя в свою спальню, стал

забавляться с этим овощем, представляя себя в образе бездушной блудницы. Я сунул этот плод в свой анус, стонал, матерился, бил руками об подушки. Мне было важно понять, что чувствовала та самая Мэгги, которой я едва не порвал задницу.

Максимилиан плотнул тоника и закурил. Снял очки. Костяшки пальцев его побелели, словно он хотел кого-то ударить.

— Я потом удовлетворял своим ртом нашего почтальона, считая его член самым вкусным из всех, что родила земля. Да, мой друг, вы уже начинаете меня ненавидеть, но остановитесь: самое безжалостное преступление — сиюминутный порыв разума.

Учась в престижном английском колледже, я убил двух молодух, вырезал им груди, ибо они пугали меня своей необъяснимой силой притяжения. Мучения этих дурочек, прогуливающихся в четыре часа утра, были мучениями Христа...

— Не трогайте Бога! — вскричал Митя а едва не упал вместе с креслом. Ноги и руки его дрожали. Одна из свечей погасла.

— Хорошо, как скажете. Что касается их влагалищ, они были сухи и неудобны.

— Чудовище! — захрипел Митя. — Вас мало убить!

Макс невинно потупил взгляд, словно совершил маленький детский проступок.

— Знаете, чем пахнет разлагающееся человеческое тело? Моими мыслями. Мои мысли — помойка, морг, геена огненная. Прощайте, я был рад возможности рассказать вам своё дьявольское житие. Хотя, если бы вы хотели, вы бы и мне раскрыли свои мыслишки, но, увы. Вы молчали, я говорил. Я бог, вы мой раб. Прощайте, я не пожму вам руку, но гримаса вашего лица — вот мой вам подарок.

Глава 13

Покинув злополучный, и так потрясший его "Розовый слон", Митя ввалился в "линкольн" Гордона Сакса, как тот самый слон — в посудную лавку. Митя почувствовал грубое опустошение, словно его вывернули наизнанку и забыли вернуть в прежнее положение. Возможно, тоже самое ощущает женщина, родившая мёртвое дитя.

Сакс причмокивал губами, слушая бессвязную речь этого нахального писаки, возомнившего себя восходящей звездой мировой литературы. Чёрт возьми, да прежде чем что-то писать выдающиеся, нужно это самое выдающиеся воплотить в жизнь, сотворить себе имя, не сходящее с уст у простой толпы, и вот тогда тебя будут, куда они денутся, читать, давиться твоей писаниной, даже если там и будет одно неудобоварение. Это закон бытия: слава-деньги. А они пачкают тонны бумаги, надеясь на скорую славу! Дудки вам, господа!

— Вы первый, кто заявляет что-то недовольное об этом клубе, — съехидничал Сакс. Их машину обтекал сильный попутный ветер. Прохожие держали разномастные зонты — лил проливной дождь, переходящий в безумный шторм.

— А вы ждали другой реакции? — не унимался Митя. — На вас выливают ушат помоев, а вы будете петь "Джинг белс"?

Сакс свернул на 42-у и остановился у магазина подгузников.

— Вы так много и с такой охотой плачете, что я решил: вам надо купить набор для новорождённых. Так плачут только лишь беременные, и то те, что в первый раз и по залёту, — Сакс захохотал навзрыд.

- Зря вы так, — Митя старался попридержать свой гнев. — Где можно пропустить стаканчик-другой текилы? Ответе как отвечает "Гугл" — быстро и находчиво.

Американец закурил сигару.

— Куда уж мне до этих продвинутых стэнфордских парней! Могу порекомендовать

"Пеликан и Зарю". Давно пьёте эту бурду?

— Как только оказался в этом адском городе.

— Ну, Нью-Йорк требует к себе внимания. И понимания. Но у писателя должна быть шкура-броня, а то не выдержать потока вдохновения. Возьмите себя в руки. У вас всё впереди: и шедевр, и слава, и Бог весть ещё что...

Но повёз Гордон отнюдь не в "Пеликан". Он решил встряхнуть этого сердобольного русского основательно, выбив из него весь мох и пыль. Всему виной это православное воспитание, думал Сакс, эти толстые и никчемные тома бородатых стариков, превращающих человека в раба. Уйди от мира, проживи всю жизнь словно евнух, и получи жизнь вечную. А кто сказал, что она есть, кто докажет, будто земная жизнь не имеет смысла? Мужчине нужны удовольствия, для него созданы все эти девки, зазываючи нарядившиеся в такие нескромные наряды. Мы поедем к Чарли, тот сделает из этого горе-писателя хомо сапиенс!

Чарли встретил их в рваных трусах. Усатый и тощий, он был похож на таракана. Пять лет он занимался сутенёрством и сбытом героина, три из которых превратил в сплошные калигуловские кутежи. Славя всех римских и греческих богов и богинь удовольствия, Чарли мог удовлетворить любую прихоть своего клиента. Митю он окинул брезгливым взглядом, пискнул как робот и провёл их в маленькую комнатёнку, где на замызганном диване сидели девицы отнюдь не католического колледжа.

— Девочки, к вам приехал русский! Он только что вылез из своей берлоги и хочет минета, секса и много-много текилы, ну чтоб прямо выливалась из ушей! Ну, вы готовы?

Ветер распахнул подпёртое вазой окно. Ваза упала и разбилась. Проститутки захихикали, повскакивали со своих мест и принялись раздевать Митю. Не долго провозившись, самая шустрая из них затолкала вялый член себе в рот и принялась мять его, сосать, тянуть что есть силы. Старшая, лет тридцати, путана откинула эту малолетку в сторону, и та стукнувшись об стиральную машину, отползла как побитая шавка.

— Я буду самой нежной, — прошептала старшая на чисто русском и погладила пенис Мити очень тёплой рукой. Митя напрягся, его орган стал набухать, превратился в твердое древко, готовое войти в лоно. — О, вы так быстры! Нет, не будем торопить наших лошадок, мы пройдем все уровни удовольствия, а потом кончим мне в рот.

Её звали Марина лет десять назад в Твери. Она занималась фармацевтическим бизнесом, моталась в Китай, Индию и Кубу, пока не оказалась в Штатах. Марине дали имя Сабрина и подложили под первого клиента, огромного манильца с огромным членом, который буквально разодрал её всю и вся. После месяца больницы ей доверяли самых нежных и щепетильных любителей "клубнички".

Сабрина перетянула руку Мити жгутом и вколола ему "лекарство от суеты". Тот жар, что почувствовал он, было ни с чем сравнить. Митя словно провалился в бесконечно жаркую манду. Белки его глаз пожелтели, язык разбух, а член напрягся так, что когда он почувствовал щекотания язычка, свет озарился неведомыми бликами и ветер стих, потух как огонь, голоса приумолкли и только стук сердца-вагона скорого поезда оглушал его, дурманил и усыплял.

— Да, теперь я понял, почему однажды мужья уходят от жён к любовницам — там нет постоянства, нет скуки, нет прилизанности, — Митя, захлёбываясь слюной, стараясь не прикусить язык, начал изливать душу. — Жёны, пушки заряжены... — Митя, как всякий малоговорящий в обычности человек, под кайфом не знал удержки. — Соси, сука, соси... Ещё утром один ваш придурок мне исповедался... с такой исповедью его бы и в церковь не

пустили... Дай мне встать, выдра. — Митя снял до конца плавки и начал трахать Сабрину в задницу.

...Когда Митя начал взрослеть, родители его начали опасаться, что сын растёт гомосексуалистом: с противоположным полом не дружил, девушки у него не было...

"Странные дети теперь населяют планету:: они влюблены в то, что не существует и обожествляют этот свой вымышленный мир, как наш дед из Самдуново возводил в пиетет скворечник на старом полусухом клёне".

"Ну, дорогая, где-то ты и права. Что касается Самдуново, эта захолустная дыра — жалкий пример для подражания. Прадед Мити был весьма пустой человек, собранный из суеверий и ошибок разума, как половина крестьянской Руси. Этим бедным людям прямо необходимо просвещение, нужно солнце в чулане, где всегда пахнет кислой капустой вперемешку с церковными свечами".

"Что ты знаешь о деревне, когда с пяти лет живёшь в городе? Мите всегда нравилась воля, а если и приходилась по душе вся эта иностранщина, то только лишь по причине убожества наших власть предержащих".

"Да, валите всё на царя, если в кошельке не гроша. Митя от того с бабами не якшается, что знает вашу глупость. Умный человек в карман не полезет. Из умных вышли Христос да Магомет, а ещё Македонский, а бабы где? Я сам, отец его, в юности мало что соображал".

"И заделал на первом курсе ребёнка!"

"Да, было дело, но не более того. Дети — восходящее солнце настоящего. Дети — это, сказать, подарок судьбы, что верно, но не более того".

"Из-за таких мужей бабы и освобождали родину от иноземцев".

"Не ворчи, курица старая; ворчит она мне. Митя хоть и поздний ребёнок, но разумом не обижен. В 16 лет поумнеет: будут и девочки, так что и всего Самдуново не хватит. Может, финансистом станет, как я мечтал, читая Драйзера, может и в банк пойдёт, чем была не была. Весь в меня — доходчивый., от матери лишь одно доброе сердце".

"Ну хоть в этом я с тобой согласна".

Им было не досуг спросить о этом самого Митю, и он бы обязательно поведал им, раскрыл свою тайну: он уже не мальчик. Не ходил с девочками потому, что стыдился больших размеров своего пениса, но разве об этом сообщают родителям. Аня С. сняла это проклятие, хотя всё дело в содержимом черепной коробки, а не в чьей-то порванной девственной плеве.

А задница этой русско-американской мандавошки была хороша: в меру тугая, словно созданная в подкрепление к ****е. Митя закричал что-то из народной песни и перешёл к влагалищу. Сабриночка протяжно стонала, щупала свои соски и материлась как старая ведьма. Путаясь в трёх языках как в трёх соснах, всякое выдавшая молодая женщина уже представляла этого забавного паренька в своих ухажёрах. Ну, пусть придурок, зато водиться с самим Саксом, а тот с бедными по Нью-Йорку не ходит. Кто-то трепанул, что паренёк работал на бирже, а теперь — писатель, ну так папаша её тверечанин любил в молодости фельетоны строчить день и ночь, чтобы в редакциях толстых литературных журналов было бы чем по утру подтереться. Нет, лучше ****ель, чем писатель. Интересно, одно с другим совместимо?

— Жесть, — подвёл итог Митя и пролился на ягодицы проститутки. Сабрина легла на живот и сказала в подушку: — Надеюсь, тебе понравилось, землячок?

Митя истошно закашлялся, подавившись дымом от сигары Гордона Сакса. Заиграла

мелодия из "Крёстного отца".

— Да, — промямлил Митя, чертыхаясь про себя в каком-то полубреду.

— Ты где? — Кристина просто паниковала.

— Рыбка золотая, я в метро. О, нет, я крепко держусь на ногах. Да, да, через полчаса я дома.

Сакс помог Мите одеться. На дорожку он сунул Мите в карман пакетик с порошком. Девушки ушли мыться в душ, а Сабрина-Марина так и спала на животе, и возможно, ей снилась Тверь.

Глава 14

Вы любите яхты? Митя обожал глядеть из этих яхт на ночной Нью-Йорк, над которым нависло бездонное небо, с лилово-жёлтыми прожилками. Это небо совсем не влекло нью-йоркцев; жажда наживы, возвращенная с детства, владела их помыслами. Но Митя не был из этого людского моря, озабоченного красивой едой и красивой музыкой. Но Митя уже духовно приближался к этому стаду — Кристина пестовала его изнеженный вкус, хотя сама ещё не забыла полуголодную жизнь уличного рекламщика.

Над яхтой зависал "Владимирский централ". Братва, в основном бакинская, веселилась до упаду. Митя пил охлаждённый коктейль. Кристина и Сакс сидели напротив и разговаривали, будто были отвязными любовниками. Митя даже слегка приревновал, но куда Саксу с его геморроем угнаться за такой кошечкой. Сакс обручён навечно с ванной комнатой, совмещённой с туалетом, и в силу своей слабой натуры был слабым ухажёром.

Среди веселившихся была и Мара Багдасарян. Девушка, вся в зелёном, разбавленном золотом и серебром, сверкала зубами, модно говорила и беспрерывно фоткалась с каждым, кто был в полуметре от её тела. Митя получил на этом селфи элитным жеребцом, будто не Джордж Р.Р. Мартин, а он, Дмитрий Пурин, дал всему свету "Игру престолов". Но если кто-то умеет видеть таинственную игру, пусть играет.

— Молочко нынче дороговато пошло, — сказала Мара Багдасарян и намазала шею чем-то пенистым. Господин Худорковский ей лукаво подмигнул. Мара показала ему средний палец и удалилась в полупрозрачную кабинку-каюту, где сменила платье и выпила полстакана водки.

Митя, полусъёжившись, забрёл к ней случайно. Он шёл за Мариком Сарапяном, модным диджеем, записывая его разговор с какой-то отвратительно-неприличной китайкой, и споткнувшись, открыл дверь Мары. Девушка в это время работала с навигатором, слушая песни Бритни Спирс.

— Вы устали от веселухи? — Митя щёлкнул пальцами. Его обветренные губы местами потрескались и кровоточили. От этой крови Мара побледнела.

— Закройте дверь. Садитесь сюда, на пуфик. Что вас привело ко мне? Да не стесняйтесь, я не такая вредная, как часто говорят.

Митя вытер губы платком, выпил sake, откровенно морщась от какой-то неловкости.

— Я пишу книгу о половых чувствах. В этой рукописи я воссоздаю весь наш современный стиль жизни завуалированными картинками старинной жизни. Меня с детства влекло тело женщины, её порочная красота, царственный облик венца природы... Вы слушаете меня?

Багдасарян привстала, дотянулась до сигареты, торчавшей из джемпера и закурила по-мужски. Её взгляд по-волчьи витал в облаках.

— Вы разрушитель женских чар?

Митя озадаченно вздрогнул.

— Ну что он, я не фокусник. Я очень хочу добиться достатка, хотя и кое-что уже заработал на бирже. Но ведь хочется большего. Может быть это покажется странным, но после десятиклассницы уже тянет на выпускницу.

— Я вас поняла. Как много стало развратников. Так ненароком станешь христианкой.

Пурин желчно обвёл взглядом каюту.

— Уж с этим ли богатством? — он ткнул пальцем в ту роскошь, что составляла быт Мары Богдасарян.

— Хотя бы и с этим. Не забывайте, деньги и христианство хоть и противоречат друг дружке, но тесно идут нога в ногу. Банк Ватикана, финансовая вотчина РПЦ, Креффо Доллар и его проповеди личного благосостояния. Так?

Редко кто из писателей современного формата вдавался в такие дебри. Пурин вдавался и развивал свою философию везде: за столом, в туалете, на теннисном корте, и только во время полового акта голова его молчала.

— Священники также размножаются половым путём, хотя делают вид, что почкуются. Но это издержка профессии. Секс не спрашивает, где и зачем, он приходит и нагло берёт быка за рога.

Мара фыркнула, походила по каюте в какие-то пять минут. Её невозмутимость отдавала повадками львицы. Она и была ею — скандальной и всегда напоказ, без зазубринки в мозгу.

— Я пойду, а вы вздремните.

— Я никогда не сплю, даже когда сильно хочется.

Митя плотнул дым её третьей сигареты. Желудок требовал еды — грубой пищи неандертальца, добывающего мясо после бурной бессонной ночи.

На палубе всюду кутила молодёжь. Чеченцы и невозмутимые бакинцы палили из автомата, грозно рычали, мат-перемат проносился и глож полукilометре от яхты. Эти люди жили в первый и последний раз, о потому брали от жизни всё. Но Митя ощущал в себе истории сотен прожитых жизней, но кому нужны все эти воспоминания далёкого бытия. Всем нужен секс. Митя отправился писать книгу. Ночь перевалила за экватор.

Чем проще задача, тем темнее дорога к ней. Митя ощутил напряжение всех своих чувств, отдавая себе отчёт в истинном состоянии своих ресурсов. Он не спал две ночи подряд, выпивая литрами кофе, меняя вспотевшее бельё и переключая сотни каналов в поисках чего из вон выходящего.

Двадцать три минуты от задумчиво глядел в монитор ноутбука, потрепался минут пятнадцать с Гоблином, инициатором этого разговора был последний. Гоблин плакал о плачевном состоянии всей биржевой отрасли, взяточниках, безумии номенклатуры... Митя молчал, иногда вставляя железное "да", поглядывая на репродукцию Эдмунда Мунка.

Затем он принялся за свой литературный труд...

Что мы знаем о любви? Однажды, темной ночью, один рыцарь взирал восхищённо на блёклые звёзды. Он сочинял любовный гимн, прикладывая рифму к рифме, старался создать шедевр, способный разбить невинное сердце девушки, чары которой действовали молниеносно. Рыцарь увидел нежное очертание сердца возле луны, восхищённо что-то пробурчал, взялся за венком из цветов и бросил его в воду. Венок утонул, но рыцарь этого не вдел: он взбирался на холм, тяжело дышал, меч ударял его по икрам, волосы взмокли, пятки ног покрылись мозолями. С холма он ничего не увидел: луну закрыло тучей. Полная темнота, как затмение, ударила в глаза. Сердце учащённо забилося.

Рыцарь зашёл в часовню, преклонил колени перед статуей Девы Марии, шепча молитву на неведомом языке. Любовь затуманила его разум, строчки баллады утончённо волновали ум. Красота полутёмного здания обволакивала дыхание, сердце успокоилось. Встав, крестоносец вышел в арочную дверь, заметив, что выглянувшая луна стала ещё ярче. Где-то в дали пели трубадуры, мычал осёл. Пастух гнал стадо коров, мастерски ругаясь на них почём зря. Рыцарь прошёл небольшую тропинку сквозь еловый лес, остановился у ручья, отвратительно морщась от запаха пота. Достав хлеб и вино, он сел перекусить.

Далее он на лодке пересёк неглубокое озеро, наткнувшись на отару овец. За отарой брёл юнец с мандолиной, поглядывая на звёзды. Рыцарь дал ему несколько монет, взяв немного молока от двух коров, также бывших в стаде. Мальчик был невинно-робок, его сутулость бросалась в глаза.

Рыцарь в середине ночи добрёл до своей возлюбленной и их любовный пыл разбавил дождь, щедро хлеща траву и их убежище. Нежное девичье тело доставляло массу удовольствий и крестоносец приложил все силы, чтобы это удовольствие не прошло мимо...

Митя, закончив этот отрывок, размял ноги и вышел на палубу яхты. Мара Багдасарян играла в пинг-понг под свет прожекторов, её платье поднималось ветром, обнажая часть спины. Луна отражалась везде и повсюду. Музыка уже не играла.

Митя прошёл мимо насоса, обошёл бухту каната, вошёл в подсобное помещение, чтобы утолить своё любопытство, и споткнувшись об ведро, упал на мокрую тряпку. Если бы рядом была свора бесов и чертей, они стыдливо закрыли бы свои органы слуха от невежливого суесловия этого человеческого языка. Биржевой жаргон мало отличается от воровского.

Продолжая чертыхаться, Митя вернулся вглубь яхты. Поднявшись по лестнице, он хотел заглянуть к капитану судна, но услышал стоны и остановился. Голос Кристины взорвал воздух.

— Жеребец мой. И все Худорковские такие работоспособные? — голос морской сирены дурманил всё вокруг. Сердце Мити вырывалось из груди. Он расстегнул ворот рубашки.

— Только те, у кого карман набит деньгой, — нараспев ответил Худорковский.

— Мужа жалко.

Кто он тебе. Подотри да выброси.

Кристина испустила возмущённый звук.

Легко вам, ловеласам. Для нас, женщин, и такой — мужик.

Зазвонил телефон. Худорковский давал наказы, возмущался, клял кого-то, словно всем на свете управлял только он один, царь и бог. Управлял марионетками. Такие живут долго, а умирают медленно и мучительно одиноко.

— Я у него героин нашла. Не знаю, когда он успел стать наркоманом. — Голос Кристины звучал приглушённо, словно из трубы.

Митя схватился за голову и убежал. В голове стучали молоточки. Мозг Мити продолжал разговор, все его мысли витали вокруг Кристины и Худорковского, как над силой притяжения. "Героин, какой героин? Неделки ли этого Дерябина, которого он подсел на бирже? Нет, это ужасно, это выше всех бед!

...Молодая колдунья готовила отвар из воловьих костей, желчи белки и семян чертополоха. Густой синий пар валил от котла. Девушка зашептала вереницу странных слов: "Откройся земля, развернись небо, силы земные дайте мне силы, долгое эхо любви да снизойдёт на моего возлюбленного, чары напитают его страстью и будет он неотлучно со мною!" Сила этих слов равнялась двумстам запряжённым быкам. Колдунья знала, что всё

вокруг подчиняется слову, всё вокруг принадлежит тем, кто посвящён в тайну.

Она вылила отвар в стеклянный сосуд с длинным и широким горлышком, закрыла пробкой и сев в телегу, отправилась к полуразрушенному замку. поросшему плющом. Этому замку приписывали самые невероятные истории. То здесь в воздухе витал череп дракона, то по стенам лилась змеиная кровь и т. п. Ворожея хотела здесь встретиться с рыцарем потому, что всегда боялась этого места, а страх обладает повышенной силой: любая лошадь, испуганная и взнузданная, сильнее табуна.

Рыцарь пришёл, когда наступил рассвет. Сняв меч, он выпил отвар, ничего не спросив. Его рыжие кудри ниспадали на плечи, серые глаза вглядывались в тусклое лицо девушки подслеповатыми глазами.

"Ты сегодня по-неземному красива", — прошептал он, поцеловал её в мочку уха.

"Я много спала, много видела снов и мне чудилось, что ты собираешься в дальний поход".

Рыцарь погладил её по коротким волосам, высунув язык.

" Магистр говорил, что пора освобождать Святую Землю. Здесь, в Сицилии, много добровольцев, готовых бить нечестивцев. Наша католическая вера требует испытаний".

"Я боюсь за тебя. Я видела в небе странные, пугающие меня знамения".

"Что именно?"

"Перевернутый крест и лик совы".

"Это обычные женские страхи. Мужчины не бояться испытаний, они создают их сами. Мне нельзя идти поперёк распоряжений Ордена. Ты предлагаешь мне идти в дезертиры и стать пиратом".

"Я могу укрыть тебя в пещере".

Они вышли из замка, и шли полем с колосющейся рожью. Рыцарь лёг на землю. Она легла рядом с ним, положив свою голову ему на грудь. Его запах, смешанный с запахом земли, возбуждал в ней страсть, сравнимую с силой морской волны. Колдунья закрыла глаза. Где-то в дали запела птица.

"Странное время — рассвет. Время рождения, время добрых и злых начинаний" — сказал рыцарь и тоже закрыл глаза.

Они лежали рядом и думали о том, почему на земле не обходится без войны. Воюют короли, папы, вассалы, рабы, и только женщины и дети стоят где-то рядом, в стороне и плачут от горя.

Пусть он говорит что хочет, но любовь не даст нам разлучиться. Всё покажет сегодняшней день. Она верила в силу магии.

Глава 15

Чтобы уйти прочь от измены Кристины, Митя следующим днём вылетел в Альбукерке, штат Нью-Мексико. В городе крапал дождь со снегом. Голые деревья трещали как струны, жалобно покачиваясь и пугая бродячих собак. Магазины ещё не открылись, а сонные таксисты жаловались на ночную выручку.

Митя заглянул в бумажник и поднял вверх брови: двести долларов было маловато для американских торговых точек, заваленных цветастым товаром со всего света.

Нагрыв в местную газету "Обозрение", Митя обещал издателям интересный материал о России, её финансовых биржевых точках и ратном подвиге русских маклеров. Редактор Билл Клеверс несколько раз несколько раз дружески похлопал русского гостя по плечу, при этом хваля его английский. Для Мити было вдвойне приятно это слышать, тем более, что

язык он изучал самостоятельно.

Пообедав в недорогой забегаловке на деньги Клаверса, Митя снял номер в гостинице рядом с кинотеатром, выспался и принял душ. Погуляв с полчаса в городском парке, он постоял приятные мгновения, растёкшиеся в бесконечность, у памятника Мартину Лютеру Кингу и отправился к газетному киоску. Полноватая латиноамериканка протянула ему пачку из пяти газет, взяв за это пятнадцать долларов.

Сев на подсохшую скамейку, воспользовавшись улучшением погоды, Митя начал обзор газет с колонки объявлений. Он искал частные дома, готовые под найм для приезжих. В квадратной приятной газетёнке он обнаружил следующий пост: "ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СЕМЬЯ, УВЕРЕННАЯ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ, СДАСТ ДЛЯ НЕ БЕДНОГО ГО НАШЕГО ГОРОДА ЛЕТНИЙ ДОМИК РЯДОМ СО СВОИМ БУНГАЛО ДЛЯ НЕДОЛГ ПРОЖИВАНИЯ". Телефон семьи Брунов был обведён голубым овалом. Митя позвонил и договорился о встрече.

Бруны, чета довольно пожилых горожан, действительно выглядели абсолютно довольными жизнью. Глава семейства, полноватый Крис Брун, работал почтальоном десять лет, а после трудился на авторемонтной станции. Тереза Брун всю жизнь стирала бельё в местной больнице. Дочь, которую в семье называли "Солнце", возглавляла финансовый отдел мэрии и фактически кормила всю семью и рабочих, трудящихся на полях и страусоводческой ферме, принадлежащих Брунам. Родители "Солнце" боготворили.

Обговорив все детали сделки найма летнего домика, Митя и семья Брунов в полном составе, хлопнули по рукам. Домик был уютным добротным жилищем и здесь Митя планировал продвинуться в работе над романом. Первым делом подзарядив ноутбук, он отдался во власть творчеству.

...Оторвавшись от клавиш ноутбука. Митя подошёл к окошку домика и выглянул во двор усадьбы Брунов. В окне их большого коттеджа он увидел силуэт "Солнца", обворожительно сияющего блестками торжественного платья. Фигура девушки была безукоризненно соблазнительной. Платье было облегающее и смотрелось великолепно. Но, по-видимому, "Солнце" так не считала. Подошедшая сзади мать расстегнула девушке замок вдоль спины и "Солнце" продемонстрировала окну голубой бюстгальтер, заставив Митю затаить дыхание. Красные кружевные трусики вызвали у него неконтролируемую эрекцию. Чтобы лучше рассмотреть, Митя взял в руки театральный бинокль, который он забыл положить в тумбочку у письменного стола, и принялся разглядывать соблазнительную "Солнце" во всём её блеске...

В лазарет молодая колдунья пришла, когда ещё не пели первые петухи. Холодная луна слабо освещало содержимое помещения для больных. Она лишь видела обнажённые тела, застигнутые болезнью во всём её разнообразии. Рыцарь лежал на грубо отёсанных досках, пятым в ряду от окна. Он спал, расположившись на левом боку. Его равномерное дыхание успокоило девушку и она присела на чурбачок у постели, положив голову на руки, смотря на это великолепное тело, видевшее сны и полностью умиротворённое.

Спустя некоторое время рыцарь проснулся, привстал на ложе и улыбнулся, глядя в глаза колдунье.

— Мария, я рад тебя видеть, — он положил свою руку её на колени и погладил зелёное платье.

Девушка сонно зевнула и прошептала ему, прикрыв ладонью рот:

— Я люблю тебя, Себастьян.

Молодой человек, нисколько не смущаясь своей наготы, ушёл в дверь, а потом вернулся, обтираясь куском тряпицы, обводя ею всё своё тело, бугрившееся мышцами, до красноты кожи.

Некоторые проснувшиеся лазаретяне смущённо прикрывали свои нагие тела, увидев девушку, сидящую почти рядом и тёплым взглядом взирающую на их сослуживца. Орденом не разрешалось иметь половые сношения с женщинами, но ни для кого не было загадкой, как эти здоровые молодые воины справлялись с естественными нуждами. Не приветствовались лишь скандалы со слабым полом, за которые без промедления провинившиеся изгонялись из братства крестоносцев. Такие изгнанники становились бродягами, скитались по всему белому свету, грабя в лесах и пустырях одиноких путников, повозки мещан и почтовые экипажи. Всадники короля беспощадно расправлялись с тем, кто попадался в их руки и сотни и более таких лихих людей висели на деревьях, вызывая неудержимый страх на особо впечатлительных.

Восход июньского солнца входил в лазарет как заботливый гость. Сёстры милосердия губками омывали тела тяжёл больных, кто-то мёл пол, где-то плескалась в бочках вода. Мария развернула узелок с съестным, рыцарь, бросая ей горячие взгляды, жадно откусывал мясо и хлеб, запивая водой из родника. Он рассказывал девушке, как снилась ему ливийская пустыня, караваны верблюдов и свистящий ветер, перекидывающий песок с места на место. Куда шёл этот караван, он не знал, но вспомнил, как его очень волновала картина шайки бедуинов, остановившая отряд Себастьяна и требовавшая еды и золота. Тогда произошла невероятно кровавая сеча, когда рыцаря едва не разрубили пополам. Его спас ветер, бросивший в глаза безумному бедуину горячий песок. Себастьян восславил тогда Непорочную Деву, обещая дать денег на восстановление часовни в честь Богоматери в своём родном городке Лоретрино.

Рассказав о сне, рыцарь спросил Марию, как идут дела у её семьи. Девушка печально рассказала об очередной пьяной выходке её отца: старик взлез на мельницу, каким то образом добрался до лопастей и ветер закрутил его до того мгновения, когда сумасбродный мещанин не рухнул в канаву с водой. Его, грязного и проклинавшего всё живое, доставили до дома, где жена, сухожилистая Марта, омыла вонючее тело и положила в постель. У старика был жар и он всю ночь бредил.

Себастьян молча опустил глаза, отдал остатки еды колдунье и лёг, закинув руки за голову. Он представил, как девушка, сидящая рядом с ним, во мраке летней ночи плескалась у водопада, и прекрасное молодое тело возбудило его ум. Все мысли куда-то ушли, осталось лишь это видение, самое соблазнительное что есть в этом мире.

Он так и уснул, заботливо накрытый овечьей шкурой, и его громкому храпу вторили десятки других. Никто не знал, чем болел Себастьян, никто не мог твёрдо сказать, когда он присоединиться к армии Ордена, но мало кто сомневался, что не останется его тело безымянно погребённым под Иерусалимом. Из-за одного отставшего воина сражение не откладывается: кровь, которая должна пролиться — непременно прольётся. Не твоя, так другая.

Закончив очередную главу "Подслушанной страсти", Митя побрился, обтёрся жёстким полотенцем, основательно оглядев себя в зеркале. Ему нравился этот бодрый человек, не опустивший руки из-за измены жены, пусть даже и гражданской. Твёрдый камень не одолеет ни какая вода, какая бы она не была бурной.

Митя одел лёгкое пальто и вышел во двор, ослеплённый осенним солнцем. У дома

Брунов суетились рабочие. Усатый мужчина в сине-жёлтой униформе методично раздавал распоряжения.

— Добрый день, соседка, — приветствовал девушку Митя и сел рядом.

Побродив вокруг коттеджа, Митя спустился по дорожке из гальки к великолепной полянке, не по-природному ровной. Не вдалеке располагался пруд. У пруда сидела "Солнце", читала книгу, держа её в перчатках. Уютно устроившись на колесе от трактора, девушка даже не заметила, как к ней подошёл русский начинающий писатель.

Они говорили о мире, измученном войнами и голодом; о книгах, волнующих умы интеллигенции; о том, за что надо любить и как... Обычный разговор двух пытливых душ. Они смотрел в глаза друг другу и вера в открытость и доверие укреплялась в них.

Перейдя на "ты", они застали карнавал сверкающего неба. Зачем куда-то торопиться, когда рядом с тобой есть человек, понимающий тебя и сочувствующий тебе.

Их первый поцелуй был более похож на ласки двух школьников, нежели познавших все превратности любви людей, если и не умудрённых опытом, то точно понимающих свои ошибки и слабости.

"Солнце" поведала Мите, что обожглась в любви как на молоке, влюбившись в учителя физики и отдавшись ему без всякой задней мысли. Она тогда разочаровалась во всём мужском племени.

— Нельзя по одному человеку делать выводы обо всём человечестве, — сказал Митя. — Миллиарды живых сердец содержат в себе индивидуальность.

Они, обнявшись, покинули пруд, прошли поляну с засохшей травой и бороздами от колёс грузовиков, по дорожке из всё той же гальки (самым популярным покрытием американских просёлочных дорог), они направились к коттеджу семьи Брунов, вошли в жилище Мити и предались страстному поглощению друг друга. Тело Мити было измученно отказыванием в естественных половых потребностях, а потому было так жадно и напряжено, что он словно сошёл с ума: движения его были рваными и сумбурными, глаза окрасились в красные прожилки и из кожных пор выступил пот.

— Мне ещё никогда не было так хорошо, — воскликнула девушка, обвив ногами тело Мити.

Словно образуясь, Митя вошёл в ритмичность, его движения стали плавными. По половым губам "Солнца" прошла дрожь. Капелька за капелькой из её лона вытекал сок, увлажняя мест соприкосновения с органом Мити.

Испытав весь конец любовных утех и пиршества тел как что-то неземное, они смеялись, поглаживали друг друга, говорили каким-то полудетским языком.

Попив душистого чая, двое влюблённых сели на старый мотоцикл, на котором когда-то ещё не старый Крис Брун ездил на рыбалку в Санта-Фе, и помчались навстречу ветру.

Позднее их можно было видеть у старой закусочной "Старина Джек", увлечёнными задористым разговором с россыпью улыбок и ласковых слов.

Глава 16

В холодную дождливую пятницу позвонила Кристина. Её голос доносил страдальческие нотки брошенной львицы. Мите было жаль её как добросовестный лётчик жалеет разбившийся аппарат.

— До Обамы легче дозвониться, чем до Дмитрия Пурина! — о, эта иерихонская труба женского самомнения! Иногда кажется, что слабый пол произошёл на другой планете...

— Я занимаюсь книгой. В конце концов, — Митя потёр переносицу и провёл рукой по

влажному стеклу, оставляя трогательные незамысловатые полоски толщиной в палец, — я абсолютно уверен, что ты счастлива с этим Худорковским. Сколько раз мне говорил Сакс, что все женщины — стервы. Я оборвал своё сердце твоей колючей проволокой. Такие раны смертельны.

— Тогда ищи себе новую Стейс Крамер. Я давно уже не девочка и вправе распоряжаться собой как мне вздумается. Твой Сакс брезгует женским обществом по причине своей полной половой непригодности... Тебе Гоблин звонил. Да, просил передать: биржа сгорела и виноват в этом Ваня и его новенькая стервочка-прошмандовка.

Митя исторгнул из себя саркастическую улыбку: биржа сгорела! Да пусть бы полгорода запылало огнём, какое ему дело. Россия — опасное место для любого таланта, если этот талант не обосновался на гранитном основании.

— Ты уже не один? — игрив спросила Кристина.

— Ты хочешь всё вернуть на прежнее место? Семья Брунов встретила меня великолепно, а их дочь оказалось милейшим созданием: её ручки, такие бледные и хрупкие, дразнят моё тело словно перышко павлина. Когда она приходит в мой домик в пижамке в клеточку...

Кристина выдала в телефон серию нечленораздельных звуков. Она научилась держать себя в руках, но сегодня был не её день.

— Прекрати! Чёрт бы побрал твою пижамистую выдру. Я хочу видеть её. Скажи адрес.

— Я не желаю становиться соучастником преступления. — Митя что-то записал в жёлтый блокнот. — Ты хочешь приехать сюда и разнести всё к чертям собачьим? Думаешь, мне это надо? Я пишу книгу, я поглощён новыми витками жизни и мне нет дела до твоих претензий на моё счастье!

Но всё же Митя сообщил свои координаты. Кристина обещала вести себя в рамках законов города Альбукерке.

Вечером, когда величественный закат бледного солнца катился за холмы, Кристина стояла у ворот коттеджа Брунов, держа руки в карманах лёгкого демисезонного пальто, буравя взглядом фигуру деревянной совы над крышей этого интересного жилища.

Встречать вышла "Солнце". Мокрые волосы девушки блестели цветом фольги. Кристина как раненная мышка пропищала:

— О, так ты простудишься: температура ползёт к нулю, а разгуливаешь с не высушенными волосами! Побежали, иначе не далеко подхватить кучу микробов.

Они действительно пошли быстрым шагом навстречу чете Брунов и Мити, стоящих у крыльца. В соседнем доме показались головы любопытных.

На ужин была индейка и маринованные грибы. Две бутылки бургундского вина делали стол ещё привлекательнее. Бруны узнали, что гостья приходилась Мите кузиной по отцовской линии. Глаза "Солнца" слегка увлажнились, когда Кристина рассказывала о своей любви к всему странному и необычному: притягательная сила русских кладбищ так выразительно обрисовывалось митиной "кузиной", что и Крис Брун едва не выдавил скупую мужскую слезу. Работая почтальоном, он не раз приносил дурные вести, но всякий раз носовой платок его оказывался совершенно сухим.

Закончив трапезу чаепитием, они вышли в поющий цикадами сумрак. Крис Брун заговорил первым:

— Кристина, ты надолго в Америке?

— Мне помогли открыть интернет-магазин сувениров из яшмы и я хочу завалить весь

Нью-Йорк своим товаром. Вообще, я здесь чувствую себя увереннее, нежели в родной России.

Митя слегка улыбнулся. Деньги Худорковского быстро нашли свою госпожу.

— Американцам нравится выделяться из толпы, — продолжила Кристина. — Это просто замечательно! — Её корявый английский слегка смущал Брунов.

Появились первые звёзды.

— Мне надо продолжить свою работу, — сбивчиво произнёс Митя и направился в сторону своего домика. Супруги Бруны ушли в особняк, оставив Кристину и дочь наедине.

Колдунья, придя из лазарета, почувствовала слабость в теле. Она легла не раздеваясь в постель, не надеясь на скорый сон. Её лихорадило. В окно билась бабочка, а паук с внутренней стороны метался туда-сюда, сходя с ума от близкой, но недоступной добычи.

Мария зажала кулаком рот, чтобы её стон не услышали две маленькие дочери, спящие под латанным-перелатанным одеялом. Кошка вылизывала голые ноги девушки. Попытавшись продвинуться в движении, колдунья едва не упала. Голова гудела как мельничное жерло. Кровь едва не разрывала сосуды. "Прости меня, Святая Дева, но нельзя было моему возлюбленному оправляться на Святую Землю: его кровь непригодна для святого песка Израиля. Эта кровь — только моя и не чья".

На коленях доползая до сундука с травами, Мария достала необходимые ингредиенты для целебного отвара и стала толочь эти высушенные травки в ступе. Печь ещё горела, и спустя некоторое время пенистая жидкость возмутилась и побежала через верх сосуда. Колдунья не стала ждать, пока отвар остынет, её трясущиеся руки со вздувшимися венами высоко подняли сосуд над головой, отдавая честь богам, и жадный рот, коснувшись окоёмки, глотнул горькую и терпкую зеленовато-охровую влагу. Приятное тепло пробежало по телу. Мокрая исподняя рубашка прилипла к плечам и бёдрам. Паук упал на пол, отчаявшись подкрепиться на ночь.

"Ты спишь, а я прогоняю свою смерть. Если руки женщины дрожат, значит весь мир может погибнуть. Ты умрёшь, и умрёт весь мир. Я не смогу пережить такое горе. У меня дети, но я не способна думать только о них, когда ты подвержен хвори, лежишь на голых досках и твоё божественное нагое тело хворает, изнывает в бездействии и рвётся пролить кровь. Нет, я не могла этого допустить — я люблю твою кровь, я люблю твои волосы, я всего тебя люблю, даже если люблю по частям. Мальчишка! Ты жалкий и беспомощный мальчишка, остановленный моей любовью. Ты хочешь махать своим мечом, загнать до полусмерти свою лошадь, но ты бессилен не оправдать мои мечты. Я обожаю мучить тебя своей любовью, хотя и стою сама на краю пропасти. Прости, что подвергаю опасности наши тела, но ведь души наши, они не могут погибнуть. Или это не так?"

Митя остановил ошалевшие в метании по клавишам пальцы, сохранил файл, в котором едва не погибшая колдунья по имени Мария, героиня его "Overheard passion", выворачивает душу в раскаянии за свой неблагоприятный поступок, лишь бы сохранить жизнь своему рыцарю. Этот фрагмент дался Мити непросто: он раз двадцать стирал черновой текст, до рези в глазах всматривался в сумрак ночи за окном и возвращаясь, продолжал искать то необходимое слово, которое способно передать суть этого произведения. Каждое слово рождалось в муках. Страшная и неописуемо безбрежная цена была у этих слов. Цена человеческой свободы.

Глава 17

На холмы Альбукерке лёг первый робкий снег, припечатавший к земле холод и

забвение. Меньше стало грузовиков с строительными материалами, гул самолётов слышался всё отчётливее. В Америку пришла зима...

Митя лечил язву желудка, по ночам предаваясь мечтаниям о славе и мировой известности. Он всё ярвственнее видел приятные горки подписанных книг, толпы подростков, мало понимающих зачем им нужна эта книга, но имя автора влекло как к маяку влечёт кошмарный рой ночных и ужасных ночных бабочек.

Прохаживаясь по вечернему городу, Митя вглядывался в лица случайных прохожих. Он хотел уловить в этих хитрых и скрытных физиономиях какой-то внутренний свет. Как спят ночью эти люди, занимаются ли они любовью, когда за окном воет ветер, сипит железнодорожный состав, идёт густой как манная каша еврея снег? Вряд ли. Они наверняка впиваются в экран плазменных панелей, обжираются бейсболом, ток-шоу и телемагазинами. А веда так хочется просто хлопнуть их по ягодицам и оправить в ближайший книжный магазин за "Камасутрой".

Возвращаясь к Брунам, Митя ложился на диван левым боком, закрывал глаза и начинал напевать песенки из детства, когда он ещё не предполагал, что за женским нижним бельём заканчивается твоя свобода. Детство всегда прекрасно, даже у маньяков и серийных убийц. Детство есть то пламя, которое способно согреть, но не спалить дотла.

В ближайшее время к полуночи являлась "Солнце", они пили чай и занимались любовью. На столике горел торшер. Где-то как всегда валялся ноутбук, пожирающий Митины мысли; из этих мыслей сплетался клубок будущей книги. Книга будоражила его больше чем секс. Секс был лишь поводом отключить свой мозг, упиться безмыслием, раствориться в вареве своих чувств. Книга, книга, как много ты требуешь от человека, даже столь много, что не хватает жизни. То ли — войти внутрь женщины, напитать её своим семенем и слышать это сумасшедшее дыхание, готовое раствориться в тишине за окном.

На днях приехала родственница Брунов, живущая не по далёку. Смуглая, робкая Кэтрин передвигалась на костылях, говорила тихо и всё время извинялась. Мите девушка понравилась, но чем, не мог понять. Возможно, тем, что такие люди (слабые характером) вечно попадают в проблемные эпизоды. Если не любить их, то кто ты есть? Хотя, это уже филантропия чистой воды.

Приезжала на ужин и Кристина, решившая пустить корни в Альбукерке. Митю это злило, но лучше молчать, сохранять видимость невозмутимости, нежели ещё больше разбедить рану души. Пусть живёт где хочет, их книга любви давно закончена и продолжения не будет. Такие книги переносят на чердак или в чулан для следующего любознательного поколения.

Кристина превращалась в дорогую и ухоженную розу, росшую для знатока красоты. Худорковский исправно снабжал деньгами, изредка появляясь в скайпе, всякий раз растягивая улыбку до ушей. Его финансовые дела шли в гору: он открыл три косметических салона в Денвере, закупил дорогостоящий лес из Канады для строительства дома в пригороде Вашингтона, чтобы пустить в тех землях огромные жирные корни. А Кристина хотела горячей страсти, изнывала от переизбытка гормонов и молила дни и ночи больше не видеть этот дурацкий скайп, а видеть наглую, но живую рожу своего миллиардера тет-а-тет.

— Ты любишь этого Худорковского, — осмелился однажды спросить Митя, когда они заперлись в ванной комнате для интимного разговора.

— Я бы назвала это необходимостью, — сухо ответила Кристина.

— Деньги рулят тобой?

Кристина открыла кран, подставила ладошки и умылась как то по-детски нерасторопно.

— А ты пишешь книгу не ради денег?

— Зачем сравнивать одно с другим. Книга пишется, потому что...

Кристина вдруг его истерически оборвала и добавила свои мысли:

— ...потому что не может не писаться. Я не хочу жить так, как жила в России. Мне больно это говорить, но я из кошечки превратилась в львицу. Львицу не ласкают просто так — сперва твоё подношение, а потом ласки. Я не хочу прозябать в холодной коммуналке, платя за свет и квадратные метры раз в полгода. У меня обязаны быть деньги. Тебе это понятно?

Митя махнул рукой и ушёл, бурча под нос что-то нечленораздельное. Вечно эти женщины испортят настроение!

Вечер "Солнце" умопомрачительно вертелась на Мите, одновременно с этим пригубляя кроваво-красное вино из небольшого бокала. "Да, мужские 23 сантиметра иногда растягиваются в километровую вереницу острых ощущений, — думала девушка. — Но мужчинам это не понять — они относятся к своему пенису как к дорогой лошади. Ну-ну. Жаль, во время интима у них напрочь вырубается мозг, а то было бы над чем подумать".

Лёжа после этой скачки, они рассматривали модный журнал, едва преодолевая желание расстаться до следующего раза. Часто хорошее так быстро утомляет, что хочется всё бросить и освежить голову. Суки-гормоны.

На следующий день Крис Брун принёс с видом хладнокровного палача записку на клочке от газеты и молча положил на столик.

"Прости, но я была не искренна с тобой, мой Митя. Прости! Я захлёбываюсь слезами сердце вот-вот выпрыгнет как лягушка, я готова хоть сейчас умереть. Но... я так хочу жить, ты не представляешь. Я полюбила, хотя ты не назовёшь это любовью. Я всей душой полюбила Кристи. Она — божественное создание! Её тело сводит меня с ума; я поняла, что с женщинами мне легче заниматься любовью, чем с теми существами, у которых внизу что-то болтается или стоит как дурацкий шлагбаум. Женщины — это упоение... Я готова быть рабой для Кристи, я стремлюсь подчиниться ей до самых нелепых желаний, лишь бы эти желания служили с нашей с ней любви. Прости, но я слишком многословна. Ты был очень любезен в некоторые минуты наших забав, но это всё низко, узко и не впечатляет. Кристи мне рассказала о ваших взаимоотношениях. Ты потерял рудник с золотом. Прощай!"

Митя порвал записку на мелкие кусочки. О, как бы он хотел ударить этих двух мокрощелок, и даже больше — унижить их пред толпой людей, сделать из них нелепое посмешище, однако, этим самым посмешищем оказался он сам. Не ждал он такого коварного удара в его человеческое и мужское достоинство! В голове вертелись слова: "с нашей с ней любви". Боже, как это отвратительно!

Он выбежал без тёплой одежды на улицу, падал, бежал дальше, задыхаясь от звериной злости. Каким-то провидением Митя оказался на заброшенном аттракционе. Ветер трепал порванный плакат "АМЕРИКА ГОРДИТСЯ ТОБОЙ. ОТДЫХАЙ ВЕСЕЛЕЕ, ПАТРИОТ! вдруг эти ржавые карусели ожили, на них возникли люди. Кристина, Гоблин, Ваня, "Солнце", Гордон Сакс, Крис Брун, Худорковский... Эти мерзавцы глазели на него и истошно кричали: "Лох", "Опять по тебе проехались асфальтоукладчиком?", "Поплачь, мальчик, мама скоро придёт и пожалует тебя!" Митя бил себя кулаком в грудь, отчаянно желая уйти от этого кошмара, забыться сном. Проклятая жизнь.

Через 15 минут он был доставлен в клинику с раной на руке. Его покусала собака в тот

момент, когда он хотел проникнуть в чужой двор. Рана была столь глубока, что боль была адской. Но ещё сильнее болела душа.

Глава 18

Кэтрин приподняла ноги на цыпочки, позвонила в звонок медицинского отделения хирургии. Стеклопанную дверь открыла жгучая шатенка со смешным носиком и детскими глазами.

— Я к Дмитрию Пурипу, — сказала Кэтрин, улыбаясь. — Ну, тот русский, который слегка пострадал...

— Ему наложили тринадцать швов. У него практически не работает рука. Я боюсь...

— Пустяки! На мужчинах заживает как на собаках. — Кэтрин смело отодвинула медсестру в сторону и пошла по направлению к палате, где лежал восемнадцать дней Митя. Робость у Кэтрин ушла с этой дикой и страстной влюблённостью в этого русского ковбоя. Она мечтала о ночах любви в розовых расцветках ночи. Ночи она любила, как любила просить прощение. По духу своей ранимой души девушка была близка к фанатизму. И сегодня, когда боль в ноге, зажившей от перелома, стихла, Кэтрин была сущий танк.

Митя читал "Плейбой", растянувшись на больничной койке. Его не покидала лунная улыбка.

— Привет, — слегка смущённо произнёс он.

— Как здорово ты выглядишь, — посетительница лучилась от счастья. Она наполнила стакан яблочным соком и подала Мите. Пить ему не хотелось, однако он сделал глоток. Холодная влага растопила в душе некоторые льдинки одиночества.

— Как Бруны?

Кэтрин присела на раскладной стульчик, поставила сумочку на колени. Серая, отделанная под золото, эта вещь женского обихода очень шла ей. Думалось, что в такой сумочке можно носить своё сердце. Такие носящие хотят брать звёзды в руки, носить дорогую одежду. Ранимые, не от мира сего робкие, им тяжело добиваться этих самых звёзд. И Кэтрин Сальвадор не принадлежала к рыцарям духа. Но и слабой себя не считала. Это давала ей силы бороться со своим аутизмом.

— О, семейство Брунов чувствует себя превосходно! Скоро весна. Я ещё на семь дней останусь в Альбукерке, а потом слетаю на парочку дней в Сиэтл, к школьной подруге. У нас странная дружба, но крепки как орех. Можно я подвинусь к тебе поближе?

Кэтрин поиграла рукой в роскошных волосах. Февральское смутное солнце ложилось на эти кудри жёлтым снегом.

— В России все такие красивые? — неожиданно спросила девушка, смущённо прикрыв рот шарфом.

Митя выпил два глотка сока. Яблоки, эти сакральные вестницы добра и зла, грозили стать соблазном. Русский слегка напрягся, стараясь разглядеть цвет глаз Кэтрин. Карие? Серые? Он путался в догадках. Для Кристины цвет радужной оболочки был чрезвычайно важен. Как и секс по утрам.

Русский ковбой отвёл взгляд в сторону.

— Россия сама по себе красавица. Чем многие и пользуются. А, так, и у нас есть уроды. Моральные, в основном. Жил-был такой Гоблин, мерзкое существо. Может, орк, может, вурдалак. На нашей бирже он постоянно высасывал кровь определённой жертве, ни чем не брезгуя. Ему всегда хотелось красной жижи, хотелось рвать сырое мясо своими когтями. Когда совсем не вмоготу, он зажимал в коридоре секретаршу и всаживал свое копьё как

гарпун в касатку. Но он был не русским.

Кэтрин опустила взгляд на чулки. Её заметный румянец стал ещё ярче.

— Я нравлюсь тебе? — спросила вибрирующим голосом она.

Митя поцеловал её в пухлые губы. Затем они занялись любовью. Кэтрин была малоопытна в делах страсти и целиком доверилась Мите. Объятия писателя словно пух легли на талию американке. Когда русский вошёл её, опустив предварительные ласки, она сильно вздрогнула, у неё закрылись глаза, рассудок потерял цель и смысл... День за окном плясал солнечные танцы. Секс этих двоих ещё долго отражался в больничных окнах, но там никто за ним не наблюдал. Биение сердец сливалось с движением часов; мир сливался с небытием. Возбуждённый до предела, Митя пролил семя так жарко и горячо, что этот жар буквально всю от ног до головы опалил Кэтрин. Свой оргазм она получила с лихвой.

"Подслушанная страсть", этот роман о Средневековье, в который умело была вплетена любовная нить, близилась к середине. Печатаемая по 15–18 листов в день, Митя получал не с чем не сравнимое удовольствие. Эта книга была горячее женщины. Книга даже может заменить роль женщины, если не иметь пылающих амбиций получить или от книги, или от женщины счастье. Есть ли оно это самое счастье в доступном виде, для осязания руками и носом?

"Мария ласкала пенис рыцаря пёрышком. Лёгкое касалось тяжёлого. Затем она провела язычком по крайней плоти, облизнула губы как плотоядная кошка. Голубые глаза колдуньи светились неземным светом. Счастье овило её ауру, Мария почувствовала как волна необыкновенного удовлетворения коснулась её голых пяток". Мите этот отрывок понравился, но что будет дальше — он не мог сообразить.

Вообще, что люди делают после секса? Курят, матерятся, строят планы и интриги. Некоторые идут к окну и смотрят на деревья и горы, а то — на море и реку. "Колдунья направила плоть рыцаря в себя, как заряжают пушку снарядом". Простое, не самобытное действие, но сколько в нём сакрального смысла, как в тех библейских яблоках. Секс и грех — сколько об этом напридумано, но никто не может распознать их цену, пока сам не попробует. А попробовав, он будет рассказывать об этом другому, много враз. Вечные темы, вечные люди.

Далее появилась деревушка Сомбрацци, на севере Сицилийского полуострова. Великолепный оазис доброты. Здесь жил отчим рыцаря, глухой как пень старик, с рыжими всклокоченными волосами, омываемыми дождём. У окраины Сомбрацци протекала глубоководная река с кишасей рыбой. Неподалёку рос хлеб. Девушки были по-смуглому миловидны.

"Здесь, у леса колдунья и рыцарь жили, обсуждаемые соседями как ветром. Они жили своей жизнью, разговоров не вели, а сплетались как змеи, поглощающие страсть".

Митя вспомнил "Солнце", её таинственно-необъятное лоно, всегда жаждущее любви. Любовь всегда была на первом месте у этой девушки с полурусалочными ногами. Казалось, эти ноги пахли водорослями. И, конечно же, морем, бездонным как девичье лоно.

Неожиданно ноутбук завис и Митя отшвырнул его на подушку. К вечеру его должны выписать из этой клиники Святого Креста. Из этой чёртовой дыры с дурно пахнущими потолками и грязным полом.

— Как у тебя дела, сынок? — спросил вошедший неожиданно Крис Брун.

— Как у черепахи.

— То есть? — не понял уставший старик.

— Я не чувствую мира под своим панцирем.

Крис Брун трагически вздохнул.

— Мир жесток. Как мексиканская разборка. — и добавил: — Говорят, у тебя была женщина.

— Да, перепихнулись на скорую руку.

— Я рад.

— Завтра мы улетаем в Париж. Я пытаюсь забыть вашу дочь, но у меня плохо получается.

Брун сел на кровать. Вытерев лоб платком, он пошевелил ушами.

— Никогда не верил этим женщинам. Хотя любил неоднократно. Как может человек быть лесбиянкой или гомиком? Это всё равно что жрать задницей.

Митя улыбнулся. Ему всегда нравился этот крупнотелый старикан.

Пролог

Если ты в Париже, стоишь и на волосы твои льёт седой дождь, значит, судьба протянула тебе свою доверительно-заботливую руку. Пусть потом эту судьбу ты будешь клясть по чьему свет, всё равно, однажды ты поймёшь как подрачный кот, что ты был счастлив как никогда. И этим счастьем был Париж — долгий, как эхо в ночи.

Как долго не занимайся любовью, в какие плечи не тыкайся мокрым носом, часто, сам по себе этот процесс становится приевшимся. Кэтрин могла бы мечтать о менее любвиобильном мужчине, но она бы тем самым утратила бы вкус к жизни. Митя как страстный наездник, руководил всем течением плотской любви как искусный игрок, держащий в руках четыре козыря. Он не заморачивался о долготрепетной судьбе бок обо бок, но и не боялся смотреть далеко вперёд.

"Подслушанная страсть" произвела фурор в Европе, посадив домохозяек и эмигрантов на наркотик переживаний ГГ. Главный герой, подаренный территории от Лиссабона до Находки, по замыслу Мити, должен открыть все слабые места современного общества, скатившегося до клипового мышления. Образы, это конечно, хорошо, но где мы будем, если разучимся падать на колени перед реальной женщиной, встречать её у роддома и растить прекрасных чертят в пижамках и лёгких пальтишках? Мы не уйдём в какой-нибудь виртуал, мы просто перестанем существовать. Об этом и размышлял Дмитрий Пурин в "Маджахале", в центре французской столицы.

— Вот теперь ты можешь писать о чём хочешь, — сонно протянула Кэтрин и перевернулась на живот, поигрывая ножками с синим педикюром. — Обязаловка ушла с этой первой книгой.

— Я писал по велению души, — произнёс в нос Митя.

— Не смеши меня, — закрыла рот белоснежной ручкой девушка в алом халате, — По велению души писали Пушкин, Гоголь, Салтыков-Щедрин, а мы все сейчас пишем по азарту и велению пластиковой карты. Секс давно поносил нам головы. Все мы озабоченный пятым-седьмым нулём...

Митя натянул боксёрские трусы, подошёл к мини-бару и налил себе коньяку. Слабый алкоголь приятно растёкся по сосудам. Потягиваясь, он выглянул в приоткрытое окно.

— Здесь дождь намечается... Поехали в деревню... — тоскливо произнёс Митя.

— В русскую, что ли?

— Ну, да. А что тебя смущает?

— Я не смогу заниматься там сексом. Ты себе представляешь этот щепетильный

процесс под рык медведей и треск разбившейся балалайки?

Митя рассмеялся чисто и по-детски. Эта боязливая американка начинала действовать ему на нервы, но это ему нравилось. Эти глубокие глаза, нос чуть с горбинкой, идеальный плоский живот, аппетитные ягодицы — всё это стало наградой за ту книгу, от которой он резко потерял зрение и идеальную походку. "Она не сможет заниматься там сексом, ну так где русскому раздолье, там американцу дифтерия", — усмехнулся Митя.

Он погладил Кэтрин по спине словно кошку. Утренний свет выжигал на коже девушки замысловатые узоры, гармонично сливаясь с природной красотой. Волосы девушки легли на подушку и Митя окунул в них свои пальцы, зачерпнул этой чёрной воды так щедро, что американка вздрогнула.

— Больно, — вскрикнула она.

— Ты боишься боли? А вот Анастейша...

— Не прикалывайся моё сердце чужой булавкой!

— Хорошо, не буду.

Митя глотнул ещё коньяка и позвонил Гордону Саксу, застав его неандертальчески возбуждённым как во время дикой охоты. Сакс нутром чувствовал огромные барыши от книги Пурина, жадно ловил каждое слово Мити, заглываясь кислой слюной. Деньги он любил маниакальной зависимостью, отдавшись целиком страсти добывать их любой ценой.

— Вы уже потрахались на счастье? — загорланил литературный агент, тяжело вдыхая и выдыхая воздух. — Или строите "планы Наполеона"?

— Сколько мы заработали? — сухо спросил Митя.

— Не заморачивай голову, русский! Мы в авангарде популярности, а это стоит дороже денег.

Митя одел джинсы, майку и подошёл к зеркалу. Сухая кожа, сухие волосы... Это придурак на телефоне когда-нибудь научится отвечать на вопросы?

— Мне нужна наличность, — бесцветно выдавил Митя.

— Окей, всё будет по первому классу. Ты пока развлекайся, гуляй, не рви сердце работой. — в трубке послышались морской волной ритмичные гудки. Сакс пошёл спать, но перед этим, наверняка, подёргает свой член в туалете.

Кэтрин Париж очень понравился. Она наперебой звонила своим подругам, делала селфи и курила как паровоз. Появилась прекраснейшая радуга, вызывая у многочисленных прохожих неопишуемый восторг. Толпы японцев рождали одну огромнейшую улыбку, и их сотенный прищур веселил как Митю, так и его спутницу. День только начинался, а они как будто прожили две тысячи жизней.

— Следующей моей книгой будет дневник сходящего с ума музыканта, — тихо, глубокомысленно изрёк Митя. — Он будет записывать шёпот дождя, бас ветра, революционное сопрано вздоха возлюбленной... Это будет прекрасно!

Кэтрин и он сели на скамейку, упершись ногами в бордюр.

— Не стой патологически-далекоидущие планы, милый.

— Я ужасно устал описывать то, что я люблю, то, чем восторгаюсь, то, что имею право ненавидеть. Как длинная жизнь, как она этим ужасна.

— И тем не менее, эта жизнь мне дала тебя.

— Ты счастлива этим?

— Как никогда. Разве может быть иначе?

— Всё может быть в этой жизни. Давай бросимся вон с того моста, как двое

перенасыщенных любовью?

— Я ещё не устала тебя любить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net